

Соколы

Валерий Печейкин

Бытовые сцены

Действующие лица:

Андрей Витальевич Соколов, отец
Алена Сергеевна Соколова, мать
Ксюша, их дочь, 17 лет
Денис, их сын, 11 лет
Анастасия Кирилловна Ненашинская, мать Алены Сергеевны
Нина Борисовна Головайко, мать Андрея Витальевича
Наталья, медсестра
Алишер, ее сын
Шызык, кот

Сцена 1.

Кухня. Алена Сергеевна у плиты. Денис за обеденным столом строит замок из муки. Рядом с ним - жестяной жбан, из которого он черпает измерительным стаканом.

СОКОЛОВА. Сколько времени?

ДЕНИС. Без пяти двенадцать часов.

СОКОЛОВА. Скоро уже, наверное, придет.

ДЕНИС. Кто?

СОКОЛОВА. Отец твой... работы нет опять. Границы закрыты – машины из Казахстана не пропускают.

ДЕНИС. И что теперь?

СОКОЛОВА. Что? Что? Плохо! (обернувшись) Ты с мукой поосторожней возись, а то если дело так пойдет...

Соколова отворачивается. Денис осторожно сгребает белые кучки.

СОКОЛОВА. Сколько времени?

ДЕНИС. Без четырех минут двенадцать часов.

СОКОЛОВА. Ксюша-а-а! Встава-а-ай! Уже день пошел, а ты все спишь – пар из жопы!

Денис беззвучно смеется.

СОКОЛОВА. Не гогочи. Встала она там?

ДЕНИС (вглядываясь в дверной проем). Зашевелилась, кажется.

СОКОЛОВА. Сейчас встанет, бубутро скажет и пойдет в ванну глаз ковырять.

В дверях голос Ксюши.

КСЕНИЯ. Боброеутро...

Входит в ванную комнату, закрывает за собой дверь.

СОКОЛОВА. Мда... еще девочка, называется... я в ее годы уже второго ребенка рожала, столы накрывала, для мужа – мужа! – сколько на своем горбу вытаскала.

ДЕНИС. Ты меня в ее возрасте ждала?

СОКОЛОВА (помолчав). Тебя-не-тебя – не важно. Бездельница она.

Сильный шум воды.

СОКОЛОВА (громко). Губку подложи! Губку!! Слышишь?!! (Прислушивается.) Ни хера не слышит – как отец глухая. (Денису) Иди скажи ей, чтобы губку подложила, а то отец там в ванной бортик подмазал, а она его сейчас водой зальет – безмозглая же.

Денис подходит к двери и стучит в нее кулаками. Через некоторое время дверь открывается.

КСЮША. Бобо бебе?

ДЕНИС. Мама сказала, чтобы ты губку подложила.

Дверь закрывается, звук воды становится тише.

СОКОЛОВА. Чего она там ответила?

ДЕНИС (изображает недовольное закатывание глаз). Бобо бебе!

СОКОЛОВА (смеется). Мда... это она у нас может.

ДЕНИС (треплет мать за фартук). Смотри!

СОКОЛОВА. Чего?

ДЕНИС (указывая на стол). Башенка из муки.

СОКОЛОВА (мельком взглянув). Красивая. Давай убирай, а то завурзгал все мукой.

ДЕНИС. А папе показать.

СОКОЛОВА. У папы мозги и без башенок забиты.

ДЕНИС. Ну а так жалко ее убирать!

СОКОЛОВА. Мне все равно стол понадобится.

ДЕНИС. Ну а ты с краюшку где-нибудь.

СОКОЛОВА. Я с краюшку? Мать – с краюшку. Нет, ты – с краюшку.

ДЕНИС (хныча). Ну, мама!

В кухню незаметно входит свежeweымытая Ксюша. Она неодобрительно смотрит на мучное строение.

СОКОЛОВА. Перенеси ее на балкон.

ДЕНИС. Как я ее перенесу – она же рассыплется.

Ксюша молча разрушает башню и сыпает муку в жбан.

СОКОЛОВА. Завтра новую сделаешь, а сейчас хватит всякой херней заниматься.

ДЕНИС. Ну, мама!

СОКОЛОВА. Возьми тряпку, вытри плитусы!

ДЕНИС. Ну, ма... (Видит, что его строение исчезло.) Ксюша!

КСЮША. Я – завтракать.

ДЕНИС (подбегая к столу). Ну там же была моя... эта.

КСЮША (вынимает из хлебoreзки зачерствевшие квадраты буханочного хлеба).

А что другого хлеба нет?

СОКОЛОВА. Возьми-сходи-купи-сама-заработай.

КСЮША. Только с утра не начинай!

СОКОЛОВА. С утра? С утра? (Указывает на часы.) Сейчас уже день начался, пока ты дрыхла!

КСЮША (отмахиваясь). Все – хватит! Ругаться за завтраком – наживать себе язву.

СОКОЛОВА. Да уж я с вами сама себе много что нажила: уже второй раз мне камни из желчного вынимали, уже пункцию делали да так сделали, что до сих пор живот гниет.

КСЮША. Не за завтраком!

Ксюша жует бутерброд.

СОКОЛОВА. Да сейчас уже обедать люди садятся!

КСЮША (включает телевизор, видит какую-то женщину). А эта дура тупая снова выходит замуж.

СОКОЛОВА. Ну пусть и выходит! Ты бы поскорее вышла!

ДЕНИС (подхватив тему разговора). А там в зале у нас диван!

СОКОЛОВА (отмахиваясь). Я знаю!

ДЕНИС. А в диване – Ксюшины полотенца на приданое.

СОКОЛОВА. Я знаю!

КСЮША (Денису). Хватит!

ДЕНИС. И мы ими никогда не пользовались. (Как взрослый.) Все ждем-ждем...

КСЮША. Чего ты ждешь?

ДЕНИС (подбоченившись). Когда ты замуж пойдешь!

КСЮША. А тебе-то что? Уже с утра сестру из дома гонишь!

ДЕНИС. Мне комната нужна!

КСЮША. У тебя есть комната!

ДЕНИС. Я за шкафом живу!

СОКОЛОВА. Не за шкафом, а за перегородкой. Мы тебе зал-гостиную перегородили шкафом, чтобы комната была. А другой перегородки нет, потому что алкаши-строители сперли.

ДЕНИС. А почему мне за шкафом, а не (указывая на сестру) ей?

КСЮША. Ты такой маленький, но из глотки готов урвать!

СОКОЛОВА. Потому что думали, что Ксюша будет репетиторством заниматься, что к ней молодые чемоданы будут таскаться.

ДЕНИС. А она только глаз ковыряет!

КСЮША. Хватит! Затрахали с утра!

СОКОЛОВА. Вставай раньше! Я тебе сколько раз говорила, просила: «Доча, вставай хотя бы в девять!» А ты что?

КСЮША (гневно выключает телевизор). Все! Спасибо за завтрак!

Ксюша отшвыривает тарелку, выходит.

СОКОЛОВА. Что ты еду бросаешь! Ты на нее заработала? Ты? Отец! Отец заработал! (Ей под руку попадает жбан.) Убери муку на хер в шкаф!

ДЕНИС. Я игрался...

СОКОЛОВА. Игрался! Ты бы помог лучше, а то как эта бездельница. (Дает сыну тряпку.) Пойди сраные плитусы вытри.

ДЕНИС. Вчера же вытирали.

СОКОЛОВА. А пыль каждый день падает. Ты не квартирант. Отец придет – будет на четвереньки падать, во все углы заглядывать. (удалившей дочери) А ты за хлебом сходи – хоть какую-то пользу сделай.

КСЮША (издали). Бе-бе-бе.

Денис уходит.

СОКОЛОВА (дочери). Пакет синий не бери – он отцу нужен. Там есть старый – в нем носи.

Телефонный звонок.

СОКОЛОВА (снимает трубку). Алло... Андрей...

СОКОЛОВ (в телефоне). Соскучилась?

СОКОЛОВА (шутливо). Сто лет ты мне нужен.

СОКОЛОВ. А у нас тут Дудка оценилась.

СОКОЛОВА. Да ты что? А ты сам скоро придешь?

СОКОЛОВ. Да... минут через двадцать...

СОКОЛОВА. Ну приходи. Жду.

СОКОЛОВ. Ладно... а то работы нет...

СОКОЛОВА. Приходи-приходи.

Соколова вешает трубку. Ксюша, одевшись, роется в пакетах, висящих на вешалке.

СОКОЛОВА. Синий не бери – отец в нем детали таскает.

КСЮША. Хлеб какой брать: батон, буханку?

СОКОЛОВА. Возьми батон для отца – он утром хлеб не жрет, морду крутит.

Вбегают Денис, полощет тряпку.

СОКОЛОВА (отнимает тряпку). Дай посмотрю... Подожди, очки одену... (Надевает очки.) А что такая белая? Ты как протирал?

ДЕНИС. Нормально. Что пристала?

СОКОЛОВА. Ты как матери?! Ты как матери?!

Соколова бьет сына тряпкой.

КСЮША. Да он вообще готов на всё: и маме, и сестре хоть что сделает.

ДЕНИС. Отстаньте! Мне надоело вытирать – я хочу играть в приставку.

СОКОЛОВА. Я скажу отцу – он расшибет приставку тебе об башку!!

ДЕНИС. Не расшибет!

СОКОЛОВА. Он на тебя и так злой, что ты боксом не занимаешься!

КСЮША. Я паашла.

Ксюша выходит.

СОКОЛОВА (вдогонку). Зелени купи – отец за столом всегда ищет, не найдет – губу клячит.

ДЕНИС (поспешно полощет тряпку). Все чисто!

СОКОЛОВА (закрывает краны). Куда такой напор!! Резьбу сорвешь – отец орать будет.

ДЕНИС. Я пойду.

СОКОЛОВА. Возьми в чулане веник – обмети паутину.

ДЕНИС. Вчера обметал!

СОКОЛОВА. Хватит с матерью пререкаться! Отец вчера в коридоре отыскал при включенном свете – заставил меня лазить, шипел. Он через пятнадцать минут уже припрется, будет по дому ходить, маяться, ко всем лезть.

ДЕНИС (расстроено). Уже придет? Так рано?

СОКОЛОВА. Да! Я тебе говорила: границы закрыты – работы нет. Из Казахстана автобусы не пропускают – чинить нечего.

ДЕНИС. И что будет?

СОКОЛОВА. Ничего хорошего: салями уже не покушаешь.

ДЕНИС. А я и не ел.

СОКОЛОВА. Как не ел? А на Новый год.

ДЕНИС. Одну котульку.

СОКОЛОВА. А кто тебе две должен дать? Поди и заработай на две. Отец и так хрячит, как ишак. (Смотрит на время.) Иди, иди, а то сейчас уже придет.

Денис медленно уходит. Звонит телефон.

СОКОЛОВА (поднимает трубку). Да... да я... Олечка... Олечка, здравствуй... что

такое?.. мама!.. ах, мама!.. да ты что?.. ночью...

ДЕНИС (из-за угла). Что случилось?

СОКОЛОВА (прикрыв микрофон ладонью). Обметай-придет-орать!

Денис продолжает подслушивать.

СОКОЛОВА. ...Да ты что, Олечка... ну вот сейчас муж придет – мы приедем... да-да, я тебе перезвоню... спасибо... (Вешает трубку.) Оффф!

ДЕНИС. Что такое?

СОКОЛОВА. Мама грохнулась.

ДЕНИС. Ты упала?

СОКОЛОВА. Да не я, а мама моя, Александра Кирилловна.

ДЕНИС. Бабулька?

СОКОЛОВА (раздраженно). Говнюлька! (Задумавшись про себя.) Она уже давно на варикозное расширение жаловалась...

ДЕНИС. У меня тоже...

СОКОЛОВА. Что у тебя – варикоз?

ДЕНИС. Пятнышки...

СОКОЛОВА. Какие пятнышки?

ДЕНИС. Перед глазами плавают...

СОКОЛОВА. Где плавают?

ДЕНИС. Когда слева направо перевозу взгляд, то вижу большого морского конька...

СОКОЛОВА (отмахнувшись). Иди ты в жопу со своим коньком! Это у тебя бред! У моей сотрудницы цыганка сына сглазила, так он целую неделю, как дурак, так вот (показывает) мордой делал.

ДЕНИС. Но у меня правда...

СОКОЛОВА. Мне отцу звонить нужно. (Берет трубку, набирает номер.) Говорит, ночью еще упала, еле до телефона доползла – Олю позвать. Хорошо, что Оля есть: другая бы на хер послала... (Слушает гудки.) Алло, Андрей! Тут мамина соседка звонила, говорит, что бабулька наша ночью упала, думали, что к утру пройдет, а она до сих пор не ходит, с кровати встать не может... ну забрать на время... мать же... хорошо, я пока соберусь... (Вешает трубку.) Ты тоже собирайся – поможешь бабку тащить.

ДЕНИС (замявшись). Я... я... но я же.

СОКОЛОВА. Чего ты же?

ДЕНИС. Я же маленький еще!

СОКОЛОВА. Ага! А с матерью лаяться – не маленький! Кто ее тащить должен? Я или Ксюша – две женщины? А на что тогда вообще мужики – яйцами только брэнчать.

ДЕНИС. Но...

Хлопает входная дверь.

СОКОЛОВА (вздрагнув). Отец!

КСЮША (из коридора). Этааа йааа! Мне в магазине дали на сдачу коробок спичек!
СОКОЛОВА. Бабушка твоя упала!
КСЮША. Не слышу! Они хотят, чтобы я их подожгла!
СОКОЛОВА. Упала бабка!
КСЮША. Не орите! а подойдите! и скажите!
СОКОЛОВА. Глухая тетеря – вся в отца. Вечно: (изображает) а? а? что? а?
ДЕНИС. Ты глухая тетеря!
КСЮША. Я тебе язык оторву!

Сцена 2.
Коридор.

СОКОЛОВА (возле комнаты дочери). Упала бабка среди ночи!
КСЮША. Я переодеваюсь!
СОКОЛОВА. Сейчас отец придет!
КСЮША. Я переодеваюсь и слушаю погоду!
СОКОЛОВА. Что ее слушать – опять жара.
ДЕНИС (дерзко). Сделай приемник потише – не сдохнешь!
КСЮША (полуголая, распахивает дверь). Ты что говоришь, а?!
СОКОЛОВА (лупит сына фартуком). Ты как с родными тебе людьми разговариваешь, гаденыш?
ДЕНИС (истерически). Отстаньте от меня! Вы бабку привезете – она рядом со мной в зале будет лежать и ночью кричать во сне!
СОКОЛОВА. Заткнись, истеричка-трясучка! Это ты – ты! – ночью не спишь, бредишь!
ДЕНИС. Отстаньте! отстаньте! отстаньте! (Бьется в истерике.) Я вас ненавижу! Я куплю шпагу и всех вас убью!
СОКОЛОВА. Замолчи, озлобленный гад! Нас заколешь – сам сдохнешь на следующий день!
ДЕНИС (отмахиваясь). Пятно! у тебя на лице! не вижу ничего! ничего!
КСЮША (прислушавшись). Отец топает!
СОКОЛОВА. Прекрати – не при отце! Он увидит, за сердце схватится. В гроб его загонишь – все мы от голода сдохнем!
КСЮША. Отец!

Бросается к двери отворять.

СОКОЛОВА (Денису). Всё! Сделай нормальное лицо!

Приторная сцена приветствия отца.

КСЮША (открывает). Пяяпя!
СОКОЛОВ (входя). Дёёёча!
СОКОЛОВА. Андрюююша!
ДЕНИС. Пяяпя!

СОКОЛОВ. Сиыина! Алёёёна!
СОКОЛОВА (с мгновенной серьезностью). Ну что, едем?
СОКОЛОВ. Едем! (Денису.) Шуруй в машину.
ДЕНИС. Сейчас я завяжу кроссовки.
СОКОЛОВ (с ненавистью). Ты должен был уже до прихода отца быть готовым!..
СОКОЛОВА (чтобы смягчить мужнин гнев). Я сейчас пока пописаю.

Пока Алена Сергеевна шумно мочится, Денис надевает и зашнуровывает обувь. Все происходит при тягостном молчании и бессмысленных улыбках Ксюши.

СОКОЛОВА (выходит, на ходу оправляясь). Ну вот я и все.
ДЕНИС. Я сейчас тоже схожу.
СОКОЛОВА (отталкивая сына). Пусть отец сначала сбегает.

Соколов молча заходит в туалет. Мочится.

СОКОЛОВА (дочери). Пока нас не будет, ты в зале диван разбери и какую-нибудь там постель с антресолей достань.
ДЕНИС. Лучше пусть я дома останусь, а Ксюша с вами едет.
СОКОЛОВА. Ксюша – девочка.
КСЮША. Я – девочка.
ДЕНИС. Но она сильнее!
КСЮША (басом). Это я сильнее?
СОКОЛОВ. Все – в машину.
ДЕНИС (направляясь к туалету). Я быстро.
СОКОЛОВА (ущипнув его, шепотом). У бабули сходишь. Отца не зли – разорвет.

Соколова выталкивает сына в дверь.

ДЕНИС (его голос гулко звучит в подъезде). Но я опишусь!
СОКОЛОВА. Не ори! Соседи услышат, скажут – мудак у них, а не сын!
КСЮША. Пока, мама! Пусть Денис вам хорошо помогает!

Ксюша закрывает дверь. Немая сцена: Ксюша садится возле телевизора и бесконечно долго переключает каналы.
Затемнение.
Звонок в дверь и выход из затемнения.

Сцена 3.

КСЮША. Иду-иду! (Открывает дверь.) Привет, бабуля!
НЕНАШИНСКАЯ. Привет, Ксюшечка...
СОКОЛОВА (голос). Деня, подтолкни бабушке ногу, а то она не может через порог ступить.
ДЕНИС. Сейчас!

СОКОЛОВА. Помоги отцу!
НЕНАШИНСКАЯ (войдя наконец в коридор). Уффф! Шла как в Таштюрьму.

Сдержанный смех. Ксюша подставляет бабушке небольшой стульчик, на который ее сообща усаживают.

СОКОЛОВА. Сюда, мама, сюда тулись.
НЕНАШИНСКАЯ. Ох! Еле-еле душа в теле...
СОКОЛОВА (как собаке). Деня – тапки бабушке!
СОКОЛОВ. Ксюша, расшнуруй бабуле бососандалики.
КСЮША (недовольно). Неужели сама не ммм...
ДЕНИС (подает тапочки). На... вот...

Тем временем родители снимают верхнюю одежду.

СОКОЛОВ. Тэк, Анастасия Кирилловна, ведем вас в комнаты.
НЕНАШИНСКАЯ. Ох, если поднимусь!
СОКОЛОВ. А выбора у вас нема.

Соколов неожиданно громко смеется.

СОКОЛОВА. Деня, помоги отцу. У него с утра и так прихватило поясницу.
НЕНАШИНСКАЯ (ведомая в комнаты). Ох! ох! ох! развалюссся.
СОКОЛОВА (Ксюше). Ты достала постель?
КСЮША. Бе-бе-нет.
СОКОЛОВА. А какую манду ты гоняла, что до сих пор не достала?
КСЮША. Я не нашла.
СОКОЛОВА. А чё там искать-то? На антресолях она!
КСЮША (недовольно). Сейчас достану!

Ксюша исчезает.

ДЕНИС (вбегает в коридор). Бабуля чуть не проломила диван жопой!
СОКОЛОВА. Тишь! Нельзя так говорить!
ДЕНИС. Так папа сказал.
СОКОЛОВА. Отцу – можно. Он – работает.
КСЮША (входит с лестницей). Ну и где искать?
СОКОЛОВА. Ты все дверцы открывай: так и найдешь. (Денису) Помоги сестре.
ДЕНИС. Пусть – сама.
СОКОЛОВА. Ксюша – девочка.
КСЮША. Я – девочка.
СОКОЛОВА. У меня и без вас есть чем заняться.

Соколова выходит.

СОКОЛОВ (входя). Спросите там, чего ей надо.
КСЮША (на стремянке). Сейчас мы ей постель доставем.

Соколов выходит.

ДЕНИС. Теперь она у нас целый месяц проторчит.
КСЮША. Не каркай: плохие слова несут плохую энергию. (Попеременно открывает все шкафчики.) Тут какая-то постель... наверно, ее... (Вытягивает постель, которая сложена как скатка.) Ой-ой-ой! падает! лови! лови!

На Дениса валится одеяло и огромная подушка.

КСЮША. Криворук маленький!
ДЕНИС (барахтается). Ха-ха-ха!
СОКОЛОВ (проходя по коридору на кухню). Тэк! ы! ы! ы!

Издает недовольные звуки, уходит.

СОКОЛОВА (влетая в коридор). Хватит ржать! Бабка – больна. Отец – злится.
ДЕНИС. Она на меня уронила.
СОКОЛОВА. Ты уроненный родился. (Собирает постель, подает Денису.) Неси в зал. (Сын уходит.) Убирай стремянку.

Сцена 4.
Зал, перегороденный шкафом-стенкой. Слева узкий промежуток – комната Дениса, справа – сама «гостиная», где теперь поселилась бабушка. Ксюша проходит с лестницей на балкон.

СОКОЛОВА (Денису). Давай пересади бабушку в кресло.
ДЕНИС. Попробуем.

Начинают поднимать бабушку с дивана. Это удается им с трудом, но их выручает подоспевшая Ксюша, с помощью которой они переваливают Ненашинскую в кресло.

СОКОЛОВА. Сиди, мама, пока тут. Сейчас мы постель постелем.

Возится с дочерью возле дивана.

ДЕНИС (пытается выглядеть ласковым). Ну как ты, бабуля?
НЕНАШИНСКАЯ. Плохо... плохо...
ДЕНИС. Не говори так: ты занимаешься самобичеванием.
КСЮША. Что-что?
ДЕНИС. Плохие слова несут плохие флюиды.
НЕНАШИНСКАЯ (с большими паузами). Ночью встала по нужде и упала, Оле

позвонила, она дяде Володе, он цепочку выбил, они вошли, обтирали, массажировали, а потом вот...

СОКОЛОВ (входит спортивно). Ну что, Анасасия Кириллна?

НЕНАШИНСКАЯ. Плохо... плохо мне...

СОКОЛОВ. Ну вам еще не плохо. Я вот когда атлетикой занимался, то разбил себе коленную чашечку и три месяца пролежал в больнице на одном боку...

СОКОЛОВА (дочери). Принеси бабулину ночнушку... она в белье, под полотенцами, за отцовыми рубашками, возле носков.

СОКОЛОВ. ...и еще был период, когда мы с Аленой только поженились, я делал ремонт и заболел и на шесть месяцев...

СОКОЛОВА. ...потому что циклевал пол сам и дышал вонищами.

КСЮША (приносит что-то, протягивает матери). Вот.

СОКОЛОВА (разворачивает). Это же распашонка.

ДЕНИС. Ха-ха! тупица!

КСЮША (раздраженно). Тызь пызь!

Ксюша уходит.

СОКОЛОВ. И еще я сильно болел в армии, когда отморозил себе глаза и начал видеть спектр, пришел к полковому врачу и рассказываю ему, а он меня слушал, слушал и говорит: «Иди-ка ты отсюда, симулянт!». И понял я, что в санчасть мне путь заказан.

СОКОЛОВА. Ты, мама, пока колготки снимай.

НЕНАШИНСКАЯ. Хорошо.

СОКОЛОВ. А все потому, что нельзя было опускать козырьки: по уставу не полагалось.

ДЕНИС. Ты уже рассказывал: ты приделал крючки, а потом у тебя отвалилось и командир заметил... (Видит гнев на отцовом лице.) ...и...

СОКОЛОВ. Закрой рот, комментатор херов!

Соколов в гневе выходит.

КСЮША (входя). Довел отца.

СОКОЛОВА. Какого хрена ты влез?

ДЕНИС. Но ведь одно и то же!

СОКОЛОВА. Вы все у меня – одно и то же!

КСЮША. Хочет довести.

ДЕНИС. Заткнись, идиотка.

СОКОЛОВА. Хватит лаяться! Помогите поставить бабулю!

Ненашинскую устанавливают вертикально.

СОКОЛОВА. Деня, дуй в комнату. Мы переоденем бабулю.

Денис уходит за шкаф.

СОКОЛОВА. Ксюша, помоги бабуле снять рейтузы.

Раздевают и одевают Ненашинскую.

НЕНАШИНСКАЯ. А трусы?

СОКОЛОВА. Зачем они тебе сейчас?

ДЕНИС (из своей комнаты). Пусть проветрится!

КСЮША. Заткнись, тупой идиот!

ДЕНИС. Заткнись, мерзкая дебилка!

СОКОЛОВА. Денис!

ДЕНИС. Она – первая.

СОКОЛОВА. Будет спорить до усёру! Никогда не уступит: ни сестре, ни матери.

ДЕНИС. Она – дура.

СОКОЛОВА. Она – девочка.

КСЮША. Я – девочка.

Звонок в дверь.

КСЮША. Открой дверь!

ДЕНИС. Нет!

Слышно как дверь открывает сам Соколов.

Сцена 5.

СОКОЛОВ. Здравствуй, мама.

СОКОЛОВА (сквозь зубы). Только этой манды сейчас не хватало...

ГОЛОВАЙКО. А я вот шла-шла и зашла.

Звонит сотовый телефон Соколова – он уходит.

СОКОЛОВА (дочери). Завяжи бабушке пояс, а то она как паралитик. (Кричит свекрови в коридор.) Здравствуйте, Нина Борисовна.

ГОЛОВАЙКО (входя). Да я так, не разуваясь, на пару минут.

КСЮША (про себя). На два часа. (Головайко.) Зассьте.

ДЕНИС (из-за шкафа). Привет, Буба!

ГОЛОВАЙКО. Опять меня Бубой назвал! А это все Степан придумал! (Замечает Ненашинскую.) Здравствуйте, Анастасия Кирилловна! Никак вы?

НЕНАШИНСКАЯ. Я, я...

ГОЛОВАЙКО. А я вас сослепу и не заметила. А что такое? Какой-то сегодня праздник, если вы у Алены.

СОКОЛОВА. Да... праздник... упала она.

НЕНАШИНСКАЯ (очень бодро). Упала я ночью: ноги отнялись. Вот теперь ходить не буду. К Алене переехала.

Денис падает за шкафом.

ДЕНИС. Что?!! (Очень громко.) Значит, ты здесь все время будешь спать?!!

СОКОЛОВА. Денис, заткнисьпрекрати!

ДЕНИС. Но она же!.. же!..

КСЮША (дразнит). Же-же! же-же!

ДЕНИС. Заткнись ты, лесбиянка!

КСЮША. Ах! какой мудак!

СОКОЛОВА. Нельзя называть так девочку!

КСЮША. Я – девочка.

СОКОЛОВ (входя). Я ухожу, Алена.

СОКОЛОВА. Куда?

СОКОЛОВ. Мне звонили: работа есть.

СОКОЛОВА. Но ты же не кушал!

СОКОЛОВ. Потом поем.

СОКОЛОВА. Нет – не потом. Подожди. Я тебе бутерброды сделаю.

СОКОЛОВ. Я пока – одеваться.

Супруги исчезают.

НЕНАШИНСКАЯ (внучке). Посади меня.

КСЮША. Денииис!

ДЕНИС (выходя). Что?

КСЮША. Помогите.

ГОЛОВАЙКО. Помогите.

Денис нехотя помогает усадить бабушку.

СОКОЛОВА (из кухни, истошно). Ксюша! Денис! помогите мне!

КСЮША. Пойдем – мать орет. Отец будет орать.

Ксюша и Соколова исчезают. Головайко и Ненашинская вдвоем.

ГОЛОВАЙКО. Как же вас угораздило?

НЕНАШИНСКАЯ. А вот так. Старость – не радость.

ГОЛОВАЙКО. И ни с того, ни с сего?

НЕНАШИНСКАЯ. Да так вот и шарахнуло среди ночи. Хотела в туалет пойти, а еле-еле до телефона доползла.

ГОЛОВАЙКО. А у меня постоянное давление и сыпь между пальцев.

В коридоре Соколов поспешно одевается в спортивную ветровку. Рядом с ним мечется жена с пакетом в шесть бутербродов и скачут дети.

СОКОЛОВА. Ты, Андрей, покушай только обязательно. А то не покушаешь –

голова болеть будет. Сосуды лопнут. Аневризма будет.

ДЕТИ. Смерть! смерть!

СОКОЛОВ. Я пошел.

Выходит в дверь.

Сцена 6.

НЕНАШИНСКАЯ. Вот такие наши годы...

СОКОЛОВА (входя в комнату). Ты, мама, один только свой халат взяла?

НЕНАШИНСКАЯ. А у меня их что – два?

СОКОЛОВА. Я спрашиваю – ты отвечай.

НЕНАШИНСКАЯ (покорно). Один, один.

СОКОЛОВА. Ксюша, поищи там в шифоньере бабушкин халат.

ДЕНИС (словно это он отдает приказание). Поищи-поищи!

КСЮША (бьет брата по голове). Мозги в мозгах поищи!

ДЕНИС. Ай, дубина!

СОКОЛОВА. Ксюша, я тебе сколько раз говорила, чтобы ты по голове его не била!

Бей по жопе! Он и так стукнутый весь ходит!

КСЮША. Хорошо!

Ксюша ударяет брата ногой по задку.

ДЕНИС. Гадина!

Денис убегает за сестрой.

ГОЛОВАЙКО. Какие у тебя дети: один подлец другого.

СОКОЛОВА (не замечая этих слов). Мама, тебе что приготовить?

НЕНАШИНСКАЯ. Что вы есть будете, то и мне.

СОКОЛОВА. Мы – борщ.

НЕНАШИНСКАЯ. Ну и я – борщ.

Вбегает запыхавшаяся Ксюша.

КСЮША. Он обзывался – я отлупила его халатом!

Бросает на диван одежду.

ДЕНИС (появляется: на глазах его слезы). Она... она махнула... и сбила с полки мою карету...

СОКОЛОВА. Какую карету?

КСЮША. Одиннадцатилетний мальчик, а до сих пор с каретками играет!

ДЕНИС. Та, которую папа мне склеил из конструктора.

КСЮША. Набор для детей старше семи лет, а ему клеил – папа!

ДЕНИС. Папа сам еле сообразил!

Плача, уходит за шкаф.

СОКОЛОВА. Да! Отец дурак, только всех вас, умных, кормит!

ГОЛОВАЙКО. Я знаю хорошую медсестру Наташу. Она – русская.

СОКОЛОВА. Ксюша, дай бабушке бумажку.

КСЮША (подает). На.

ГОЛОВАЙКО (записывает). Она хорошая, расторопная, внимательная, много не берет... Правда, она с узбеком жила... у нее даже сын от него... Алишерка...

СОКОЛОВА (берет номер). Спасибо, Нина Борисовна. (Говорит намеками.) Мы сейчас... вот... маму нужно умыть, накормить... дел много...

ГОЛОВАЙКО. Да я что? Я посижу, телевизор посмотрю.

СОКОЛОВА. А не залатаете ли Андрюшину рубашку? Он вечно ее на груди какой-нибудь хреновиной порвет. Сунет что-нибудь в карман и порвет.

ГОЛОВАЙКО. Давай-давай. Зашью, подгоню, заплаताю.

СОКОЛОВА (вынимает из шкафа рубашку). Вот, возьмите.

ГОЛОВАЙКО (осматривает ее). Хорошо... хорошо... (Просовывает в дыру палец.) Здесь что ли?

СОКОЛОВА. Да... тут и еще в другом месте – надо поискать.

ГОЛОВАЙКО. Ну так я очки одену... (Уходит.) ...и посмотрю... Всем пока...

Ксюша радостно открывает дверь.

КСЮША. До свиданья, Буба!

ГОЛОВАЙКО. Ух! И ты тоже – Буба. А это все Степан-средний придумал. (Громко.)

До свиданья! До свиданья, Анастасия Кирилловна!

НЕНАШИНСКАЯ. До швидания.

Сцена 7.

Кухня. Соколова готовит суп. Денис вбегает с какой-то бумагой в руках.

ДЕНИС. Вот, мам, послушай!

СОКОЛОВА. Ну?

ДЕНИС (читает). «В тех или иных своих произведениях Егор Манцов не устает повторять: «Некоторым ведь порой кажется, что сермяга жизни разбросана на путях и дорогах, что достаточно выйти на улицу и натащить в дом побольше грязи на своих башмаках, как вдруг станешь великим правдорубом...» Вот...

СОКОЛОВА (ошпарившись чем-то). Ай!

Потирает руку, не обращает внимания на сына.

ДЕНИС. Мама! Я читал, что Егор Манцов не устает повторять...

СОКОЛОВА (кричит). Да ну его на хер! Он не устает повторять! А мать – устает!

Мать еще как устает повторять! Устает повторять, чтобы вставали пораньше,

чтобы помогали, чтобы не злили отца! (Бьет сына полотенцем.) Как же вы мне все остоебенили!

ДЕНИС. Ай! ай!

СОКОЛОВА (глядит на полотенце в своих руках). Почему оно здесь? Я же сказала Ксюше, чтобы она синее на кухню не совала... Ксюшааа! Ксюшааа!

КСЮША (издалека). Чиво?!!

СОКОЛОВА. Ты зачем синее на кухню повесила?

КСЮША. Ты сказала, а потом сказала и сказала, чтобы.

СОКОЛОВА. А красное ты куда?

КСЮША. А красное в машинку бросила.

СОКОЛОВА. Надо красное – на кухню, синее – в машинку.

КСЮША. Бе-бе-бе!

СОКОЛОВА. Иди сюда!

КСЮША (появляясь). Что?

СОКОЛОВА. Ты внимательнее слушай, когда я тебе объясняю.

КСЮША. Ты сама так сказала.

СОКОЛОВА. Хорошо, но я ведь тебе говорила, что посудную марлечку нужно на ночь отжимать, чтобы она не тухла и не воняла.

КСЮША. Я отжала.

СОКОЛОВА. Где ты отжала, если я утром ее взяла, а она мокрая и жирная. Отец бы увидел – убил бы.

КСЮША. Я отжала.

СОКОЛОВА. А кувшин ты зачем на ванне оставила? Отец сказал, чтобы его там больше не было.

КСЮША. Это Денис последним купался, он – оставил.

ДЕНИС. Это не я. Это ты потом лохмы мыла.

КСЮША. Заткнись!

СОКОЛОВА. Нельзя так говорить сестре!

ДЕНИС. А когда она меня обзывает, ты не защищаешь.

СОКОЛОВА. Ты – мальчик. Ты должен сдерживаться. Иначе будешь как отец - истеричка.

КСЮША. Ты – мальчик.

ДЕНИС (передразнивая). А ты – девочка.

КСЮША. Я – девочка.

СОКОЛОВА. А почему ты крошки ночью с разделочного стола не сотрешь, чтоб тараканы жрали и пухли? Ты все равно телевизор до двух часов ночи смотришь, а тараканы тут лазают.

КСЮША. Я к ним спиной сижу.

ДЕНИС. К тараканам?

КСЮША. Заткнись!

СОКОЛОВА. Хватит! Сходите посмотрите, как там бабушка. Что-то она уже пятнадцать минут как молчит. Может окочурилась?

КСЮША (уходя). Дождёссссся.

Сцена 8.

Комната Ксюши. Она слушает зарубежную эстраду на магнитофоне. Вбегает Денис, выключает запись, вынимает кассету и вставляет свою.

ДЕНИС. Ксюша, послушай песню. Совсем на нас очень похоже. Группа «Вонючие носки».

Включает воспроизведение.

СОЛИСТ: Бабуля все загадила:
Обосранное судно,
Немытая посуда.
Вот квартира наша –
Говно и параша!
Каждый день она ест,
Каждый день она срет.
Она живет, чтобы есть,
А не ест, чтобы живет!
И когда она, свалившись с дивана,
Истошно орет,
Я, папа, мама,
Все пиздим, все пиздим, все пиздим
Бабку ногами!
«Заебала, старая! Когда же ты сдохнешь?»
И вдруг ее взгляд увлажнился слезами,
А с уст слетели слова
И их не забыть мне вовек:
«Я СТАРЫЙ, БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК!!!»
Да-да-да!
Я старый и больной человек!

Инструментальная часть. Гетерофония.

СОЛИСТ: Таскай мое говно! Я старая! Я войну прожила! Я старая! Пей мою мочу! Я старая! У меня жизнь была тяжелая! Я старая! Тебя Бог накажет! Ешь мое говно!
Мое говно! Мое говно!

И вот день шел за днем,
А она лежала:
Жрала-срала, жрала-срала.
Тут и там
Не “В-2”,
А уколы В-6 и пирарцетам!
Повсюду лекарства, травки, припарки,
Тряпки, марли, шприцы
И седые волосы!

Да и вообще был бы полный кикоз,
Если б у бабки был еще сальмонеллез!
Так день за днем
И за годом год
Эта сука с нами живет.
И вот однажды
Мама, папа, я
Запиздили бабку безжалостно.
И умирая, ее взгляд увлажнился слезами,
А с уст слетели слова
И их не забыть мне вовек:
«Я СТАРЫЙ, БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК!!!»

Каденция-соло на бас-гитаре.

СОЛИСТ: Это большой грех! Мы убили бабушку! Это большой грех!

Я знаю, стану старый
Беспомощный мудака.
И когда мой внук,
Обкуранный лажпек,
Начнет меня пиздить ногами,
Мой взгляд увлажнится слезами
И я заору:
«Я СТАРЫЙ, БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК!!!»
Не смей меня пиздить, хуила!
Ты еще молодой! Ты еще щенок!
Имей уважение к старости!
Я тебя растил, сукаааааааааа!
Падлаааааааааа!

Ксюша сначала громко смеется.

КСЮША (серьезно). Я расскажу матери, с какими ты мальчиками, которые тебе такие кассеты дают.

ДЕНИС (вынимает кассету). А что твои лучше?

КСЮША. Мои – на английском, твои – матерщина.

ДЕНИС. Ага! а сама играешь со мной в «Голые кубики»!

КСЮША. Это «Стрип дайс», идиот! (С загоревшимся взглядом.) Давай... (Оглядывается.) Пока бабуля дрыхнет поиграем?

Сцена 9.

Гостевая комната. Перед телевизором «Радуга» стоит небольшой голубой столик, на котором лежит клавиатура («приставка»). От нее к телевизору идет узкий

шинный провод. Возле стола сидит Ксюша, которая нетерпеливо подбрасывает тапочки кончиками пальцев.

КСЮША. Ну скоро еще там лазить?

ДЕНИС (ищет на задней панели разъем). Сейчас... гнездо только найду...

КСЮША. Сколько можно искать гнездо, ты же не птица! (Дико смеется.) Ты слышал, как я сказала?

ДЕНИС (после паузы). Да... (Шорохи.) Кажется, нашел... нажми там...

КСЮША. Щас... (Касается клавиши.)

ДЕНИС (выглядывая). И чего?

КСЮША (глядя на экран). Пусто, как в твоей голове.

ДЕНИС. Ты куда нажимала?

КСЮША (обиженно). На ту, которую ты показывал.

ДЕНИС (подходя). А на какую это?

КСЮША. Я уже забыла из-за твоей истерики.

ДЕНИС. Я видел, ты нажала вот сюда. (Показывает.) Это Caps Lock!

КСЮША. Как ты мог видеть, когда за телевизором, как в темном морге сидел?

ДЕНИС. Я по положению тыка понял.

КСЮША. Я все нажала, как ты сказал. Если не работает, то скажи отцу и он разобьет приставку об твой череп.

ДЕНИС. Ты нажала на Caps Lock...

КСЮША. Зато я знаю, как это переводится.

ДЕНИС. Как?

КСЮША. «Катись в попу, сынок!»

Ксюша заливается смехом.

ДЕНИС (равнодушно). Надо вот сюда нажимать.

Включает приставку.

КСЮША. Фь! какие-то дебилные полосы на экране.

Появляется белый экран с мигающим курсором.

КСЮША. Пошло-пошло...

ДЕНИС (вставляет кассету в подсоединенный магнитофон). Ты опять крышку расшатала... я же говорил, что ты быстро захлопываешь...

КСЮША. Как у меня рука делает, так и все нормально.

ДЕНИС (включает воспроизведение). Плей...

Начинают звучать причудливые тона.

КСЮША. Как будто кого-то тошнит...

ДЕНИС (поворачивается к сестре). Помнишь ты для дядьки переводила

инструкцию с английского на русский, а мама переписывала в тетрадь?

КСЮША. Ну и что? Все равно тебя не касается.

ДЕНИС. А сколько ты получила?

КСЮША. Мои деньги – сама коплю, сама трачу.

ДЕНИС (чесет глаз). Я знаю, ты живешь за счет праздников: бабушке и тебе папа всегда дарит на восьмое марта и на святые дни.

КСЮША. Потому что мы – женщины.

ДЕНИС. А почему у меня нет святых дней?

КСЮША. Потому что пресвятая Ксения была преподобная и царица.

ДЕНИС. И еще уродливая. Так в божественной справке у тебя написано, которую нам в церкви организовали.

КСЮША. Там юродивая, придурок. Это все наоборот. А про Дениса вообще ничего в церковных календарях не записано, потому что таких нормальных людей не было – одни скоты.

ДЕНИС. Зато батюшка, когда всех покрестил и побрызгал, меня за руку взял и повел на алтарь смотреть.

КСЮША. Это потому что ты был бледный и тряся. Он подумал: «Вот мальчик сейчас очокурится. Надо его срочно сводить куда-нибудь».

ДЕНИС. Нет, мне мама говорила, что туда только мальчиков и священников пускают.

На экране появляется надпись «STRIP-DICE». Фоновая картинка – брюнетка, лежащая на бардовой оттоманке.

ДЕНИС. Вот! Главное теперь не задеть провода. А то как в прошлый раз ты смахнула курдюком приставку.

КСЮША. Это потому что ты меня щипал и щекотал, как дебилный.

ДЕНИС (продолжает разговор). Зато меня батюшка из всех детей взял, а там ведь и другие орал, когда их облили, и повел смотреть. Там как бы домик кукольный с разукрашенными гипсовыми фигурками. Или как я из соленого теста делал бультерьера. И вот они там за стеклом в священном... этом... вертеле...

КСЮША. Вертепе, придурочный. Надо читать больше, а не моль гонять.

ДЕНИС. И значит мне священник все подробно объяснил, кто где сидит по ролям. Там в общем Мария, Иосиф, маленький Христосик, всякие бараны – потому что хлев – и волхвы в дверь ломаются.

КСЮША. Как в прошлое воскресенье какой-то кишлачный узбек утром дзынь-дзынь, дзынь-дзынь. «Махбуб-опа! Махбуб-опа!» - я думала, что будут нас резать и взмолилась.

Дети смеются.

ДЕНИС. И еще там были позолоченные ангелы. Они сверху на проволоках висели.

КСЮША. Как монтеры?

ДЕНИС. А потом меня батюшка обратно вытолкнул к вам.

КСЮША. Мы тогда опоздали на биатлон. Если бы ты был умнее и быстрее понял,

где там Бог, батюшка не мучался бы.

ДЕНИС (возмущенно). Я понял! Бог – это Иисус. Но только он был в пленку замотан и совсем такой необработанный, похож на бабушкин оверлок.

КСЮША. Идиот, это не бог, а только сын его. Это как наш отец и ты.

ДЕНИС. И он его также лупит?

КСЮША. Что ты болтаешь? Как может бог лупить Иисуса? Он же распят, потому что его Иуда предал. И вообще так нельзя богохульствовать. Мама говорит, что тетя Надя богохульствовала и у нее ребенок родился с заячьей губой.

ДЕНИС. А мама у нас какая святая? Я не понял, что у нее в справке.

Входит с тазом белья Соколова.

СОКОЛОВА. А мать у вас великомученица!

Соколова проходит на балкон. Загружается программа. Звучит «The Entertainer» Скотта Джоплина.

ДЕНИС. Загрузилось. Я сам нажму, иначе ты прокосеешь.

Денис нажимает.

КСЮША. Нельзя так на сестру говорить!

ДЕНИС. У нас девочка написала вместо «охотник выстрелил» - «охотник прокосел».

КСЮША. Это дебильная девочка из бедной семьи. Там у всех вши. И мне в школе говорили, что она тебя любит, потому что нормальной ты не нужен.

На экране предложение сделать ставку. Денис набирает какие-то вводные данные.

КСЮША. Ты вообще в школе не дружишь с нормальными.

СОКОЛОВА (проходя мимо). Его дружок Дима Кавтунов спер у матери деньги, у продавщицы в столовой – калькулятор, а у учительницы – трехцветную ручку. И еще пригласил домой наркоманов, чтобы есть колбасу.

Соколова исчезает.

КСЮША (укоризненно, брату). Ты долго там будешь?

ДЕНИС. Вот!

Начинается игра.

ДЕНИС. Я бросаю!

На экране летят виртуальные кубики.

КСЮША (после ответного броска программы). Ха-ха-ха! У этой дуры меньше!

Женщина на экране лишается брюк.

ДЕНИС. Представляешь, что будет, когда мы до трусов дойдем!

СОКОЛОВА (проходя). Что будет, что будет? Ты голую жопу не видел? Зайди в ванну и в зеркало посмотри.

Соколова исчезает.

КСЮША (проигрывает). Ай!

ДЕНИС. Тупая! Зачем ты такую ставку делала? Она вон теперь!

На женщине вновь появляются брюки.

КСЮША. Я не тупая – это программа идиотская. (Рассматривает кассету с играми.) Смотри, здесь есть «Zodiac-strip»... и «Rape-crime»...

ДЕНИС. Я ее еще не грузил.

КСЮША. Она про мальчика, который всех затрахал.

ДЕНИС. Откуда ты знаешь?

КСЮША. Давай первую.

ДЕНИС. Ладно.

Начинает загружать. Очень большая пауза. Ксюша тихо вынимает складку юбки, попавшую меж ягодиц.

КСЮША (напевает). Лав ми... кисс ми... лав ми... кисс ми...

ДЕНИС. Ты что бормочешь?

КСЮША. Я не бормочу, а повторяю английские глаголы. Я закончу вуз и буду работать гидом, познакомлюсь с иностранцем.

ДЕНИС. Выйдешь замуж и уедешь?

КСЮША. Конечно, уеду. Так все девчонки делают.

ДЕНИС. А нас потом позовешь?

КСЮША. Я позову мать и отца, а таможенникам скажу брата задержать собаками.

ДЕНИС. А я...

КСЮША. Загрузилось.

Программа предлагает выбрать знак.

ДЕНИС. Я нажму «Весы»?

КСЮША. Самый дебильный и истерический знак?

ДЕНИС. Это мой знак.

КСЮША. Я жму «Рак»!

ДЕНИС. Почему всегда тебя?

КСЮША. В гороскопе написано, что мои отрицательные черты - в их отсутствии.

Нажимает клавишу. Появляется женщина, закрытая до подбородка синим прямоугольником. Справа – цифры.

ДЕНИС. На каком здесь все написано?

КСЮША. Это... по-польски...

ДЕНИС. Позовем Бубу – он ведь помнит!

КСЮША. Щаз! Она увидит и настучит отцу. Я сама видела, какие ты покупаешь жвачки и чуть не рассказала.

ДЕНИС (испуганно). Какие?

КСЮША. Там где нужно стереть бюстгальтер.

ДЕНИС. Я не покупал, мне просто одну подарили.

КСЮША (не обращая внимания, всматривается в экран). Кажется, она спрашивает про возраст.

ДЕНИС. А может быть...

Денис шепчет Ксюше на ухо.

КСЮША (отталкивая его). Идиот! Никогда не говори такие вещи.

Ксюша нажимает кнопку.

ДЕНИС. Нет... мы не угадали...

КСЮША. Еще раз...

Ксюша нажимает кнопку.

ДЕНИС. Эх...

КСЮША. Еще...

Ксюша нажимает кнопку. Женщина закрывается по глаза. Появляется Соколова с бельем.

СОКОЛОВА (недовольно). Мужик в доме, а матери отжать помочь чтобы некому.

Сидит в игрушки играет, вместо. Даже Ксюша в первый год не поступила, потому что все тесты – проданы. А ты думаешь, что с первого раза возьмут? А не возьмут – пойдешь в армию. А в армии таких, как ты, в первый же день вешают.

КСЮША (взвизгнув). Там мамочки нет!

СОКОЛОВА. Там тебе командир быстро по соплям надает. Или как отцу сказал набить карманы песком и зашить, чтобы руками не лазил. (Кричит.) Вынь руки из штанов!

ДЕНИС (подчиняется). Ма...

КСЮША. Он думает, что там его будут спрашивать, как он кушал и какал.

СОКОЛОВА. Да там ему шибанут гниль с червями и станет он жрать это!!

КСЮША. Да куда он денется!!

Ксюша трясется, глядя на экран. Пауза. Соколова разбрасывает семейные трусы по батареям.

СОКОЛОВА. Отец неделю дристал – все трусы засрал. А все потому, что на работе нет нормальной воды, нет нормального кипятильника! Потому что он пьет из шланга, где кишечная палочка!

Пауза. Денис сидит неподвижно, как кошка, слизавшая пенку.

СОКОЛОВА. А потом отец облизывает все пиалушки, а мы пьем из них. Заражаемся и запускаем болезни!!

Ксюша остервенело вдавливает кнопку.

КСЮША. На!

Женщина на экране полностью разоблачается. Денис вскакивает.

ДЕНИС. Ах!

Женщина принимает порнографическую позу.

ДЕНИС (указывая пальцем). Это... эта! эта!! эта!!

КСЮША (глядя на обнаженную). Ах!

ДЕНИС. Это пиз... как ее?.. пиз...

КСЮША. Пизда, идиот! (Бьет его по губам.) Никогда не говори таких слов!

СОКОЛОВА (подходит). Что вы там трясетесь? (Смотрит на экран.) Что тут за анатомия?!

ДЕНИС (возбужденно дерется с сестрой). Чего она?! чего!!

СОКОЛОВА (выдергивает шнур из розетки). Все! Кому надо – бабушка покажет!

Разнимает дерущихся детей.

СОКОЛОВА. Хватит! (Сыну.) Ты бы свою энергию – да в мирное русло! Ты бы ее – матери в помощь!

Ксюша показывает длинный язык. Денис делает ей «безумный взгляд».

СОКОЛОВА (сыну). Что это у тебя на глазу?

ДЕНИС (испугано). А что?..

СОКОЛОВА. Повернись к свету!

ДЕНИС (трогает глаза). На каком? что?

Соколова и дочь обхватывают Дениса.

СОКОЛОВА. Запрокинь ему голову! запрокинь!

КСЮША. Он сопротивляется!

СОКОЛОВА. Денис, не бойся... Мы тебя просто... (Оттягивает ему нижнее веко.)

Там внутренний ячмень! Я-то думаю, отчего глаз так опух!

КСЮША. Как будто ему отец заехал...

СОКОЛОВА. Мельхиоровую ложку, Ксюша! поддержи над огнем немного и скорее сюда!

КСЮША. А может быть просто плюнуть?

СОКОЛОВА. Давай плюнем! Только ты над ним помолись!

КСЮША. Давай! (Начинают.) Боже, сделай так, чтобы глаз его прошел.

Соколова плюет. Денис отворачивает лицо.

СОКОЛОВА. Пфу!

ДЕНИС. Ай!

КСЮША. И не вытек.

СОКОЛОВА. Пфу!

КСЮША. И не лопнул.

СОКОЛОВА. Пфу!

КСЮША. И гной аккуратно вышел.

СОКОЛОВА. Ксюша, плюй ты тоже! плюй для верности!

Мать и дочь плюют Денису в лицо. Телефонный звонок. Денис вырывается и убегает в угол.

СОКОЛОВА (поднимает трубку). Алло... Андрюш, ты?... Да...

КСЮША. Давай пока играть!

Денис молчит, вытирая плевки с лица.

КСЮША. Давай быстрее! Потом мама нарвет тряпок из старых маек и скажет: «мыть!»

Денис неохотно соглашается.

СОКОЛОВА. Угу... угу... угу...

Загружают программу «Диктатор». Начинают игру. Денис пытается давать сестре советы.

ДЕНИС. Ты это... не надо... всех в тюрьму.

КСЮША (увлечена игрой). Закрой хлебрезку, как говорит мой препод по латыни...

ДЕНИС. Ну чё ты всех сажаешь... в эту... в тюрьму?..

Ксюша постоянно складировать пшеницу в амбары и увеличивает количество тайной полиции.

СОКОЛОВА. Угу... угу... угу... (Прикрыв трубку телефона рукой.) Денис...

ДЕНИС. Чего?

СОКОЛОВА (тихо). Иди сюда. (Дает сыну трубку.) На... послушай... только угукай иногда.

ДЕНИС. Зачем? Он же с тобой разговаривает!

СОКОЛОВА. Тих! У матери есть заботы – развешивать. А ты яйца катаешь!

Соколова передает трубку и продолжает возиться с бельем.

ДЕНИС (аккуратно берет трубку, прислушивается). Угу... угу... угу...

Пауза. Ксюша играет.

ДЕНИС (прикрыв трубку рукой). Опять рассказывает про немого соседского мальчика, который мычал... (Прислушивается.) И как он сказал «Мы-мы-мы-мы», а это перевели «Андрюх-бу-бу, насрал в трубу». И как отец за ним гонялся.

Пауза.

ДЕНИС. А сейчас про галку, которая села на провода и ее стало бить током. (Прислушивается.) И которая кричала, как ребенок. И как отец в нее бросил куском глины... а тот в воздухе развалился и... точно ей по лапе...

Пауза.

ДЕНИС. А сейчас про собаку, которая ела сырые яйца... (Прислушивается.) Или как двое пацанов стучались деревянными яйцами на Пасху...

КСЮША (через плечо). Зачем ты тогда в парке Туркво доводил отца?

ДЕНИС (кладет трубку рядом с телефонным аппаратом). А что?

КСЮША. Отец рассказывал тебе про дальнобойные пушки, а ты вел себя.

ДЕНИС. Я ничего не...

КСЮША. Он говорил, что если выстрелить, то ядро долетит до бабулиной квартиры на Чиланзаре.

ДЕНИС. А я просто спросил, зачем стрелять в бабулю...

КСЮША (взвизгивает). А отец сказал, что ты тупой, как узбек.

СОКОЛОВА (прислушивается). И он потом со мной целый день не разговаривал – только лупил уток в тире.

ДЕНИС. Я ведь просто пошутил про бабушку!

СОКОЛОВА (вскрикивает). Да если бы мы хотели, мы бы давно весь Чиланзар разгромили ядерными и термоядерными этими! А мы ее тут держим и лечим для

чего?

ДЕНИС. Для чего?

СОКОЛОВА (немного подумав). Чтобы она на ноги встала и мой долг перед матерью, которого в вас нет.

КСЮША (не отрываясь). Во мне – есть.

СОКОЛОВА (сыну). В Ксюше есть, а в тебе – нет.

ДЕНИС. Во мне – есть.

СОКОЛОВА. Тебе лишь бы за шкаф зайти и нюхать пыль!

ДЕНИС. Да, да? (Ищет, что сказать.) А чего Ксюшка себе карандаш с тонким грифелем заграбастала?

СОКОЛОВА. Какой карандаш?

КСЮША (напряженно). Дядя Стася мне подарил.

ДЕНИС. Он нам подарил!

КСЮША. Зачем тебе с тонким грифелем? Мне нужен для учебы, чтобы чертить грамматические таблицы.

СОКОЛОВА (указывая на сына). Ему нужен хороший ремень!

КСЮША. Или как говорит Буба – дрыной по жопе!!

ДЕНИС (зло). А тебя нужно – в мясорубку!!!

Пауза. Все понимают, что отец слышит все, о чем говорят в комнате.

СОКОЛОВА (в ужасе). Скот! ты не положил трубку!

Отбегают от телефона.

КСЮША. Отец... все... слышал...

На экране надпись «В СТРАНЕ РЕВОЛЮЦИЯ!».

СОКОЛОВА (шепотом, глядя на экран). Неужели?

КСЮША. Это, игра, мама...

Денис осторожно подходит к телефону, берет трубку и прислушивается.

ДЕНИС (после паузы). А сейчас про то, как в армии он отдалбливал лед...

Затемнение.

Сцена 10.

Кухня. Головайко сидит на табурете. Денис неподалеку на невысокой табуретке зашивает свое белье. Соколова мечется от одной кастрюли к другой, стараясь не слушать свекровь.

ГОЛОВАЙКО. И когда он на меня пистолет навел, то я выхожу вперед, потому что самая смелая была... или чемодан синий у нас украли, тогда Андрей еще совсем

маленький был, а я говорю им... Самолет низко тогда пролетел, и я помню, как фашист там улыбался... или этот жидок с нефтебазы, который все накладные подделывал, а дочка его такая жирная сарочка, красной икрой отравилась, помню...

Пауза.

ДЕНИС. Ай!

СОКОЛОВА. Что такое? Сердце?

ДЕНИС. Палец уколел...

СОКОЛОВА. Не облизывай его! Не суй в рот!

ДЕНИС. Я поцеловал...

Денис чешет под мышкой.

СОКОЛОВА. Не чеши так сильно! Пойдут прыщи и будет сучье вымя. У твоей тетки было, так ей потом хирургическим путем его вырезали.

ГОЛОВАЙКО. А ты возьми наперсток!

ДЕНИС (про себя). Почему, когда на отце трусы лопнут, их мне отдадут?..

СОКОЛОВА (сквозь зубы). Когда мы с отцом поженились, у него только одни трусы были!

ДЕНИС (показывает). Вот эти?

ГОЛОВАЙКО (с расстановкой). Отец у вас – лучшее, что есть в семье.

СОКОЛОВА (вспылив). Да – лучшее. А я – дура.

ГОЛОВАЙКО. Я хотела бачить...

СОКОЛОВА. Да? А двадцать лет назад вы что имели в виду?

ГОЛОВАЙКО. Что?

СОКОЛОВА (кричит). Вы к нам на годовщину семейной жизни пришли и сказали: «Не надо им покупать холодильник! Они все равно через месяц разведутся!». А мы еще девятнадцать лет прожили!

ГОЛОВАЙКО. Так тогда вы с Андрюшей плохо жили!

СОКОЛОВА. А вы с Романом Антоновичем – хорошо!

ГОЛОВАЙКО. Как жила – так жила. Каких детей родила – таких родила.

СОКОЛОВА. А что ж теперь вы к своим снохам дорогу забыли?

ГОЛОВАЙКО. Так Степан опять же развелся, а Стася в России живет.

СОКОЛОВА. Ваш Стася-говняся когда вам в последний раз звонил? Когда он о матери вспоминал? Я ему тогда сказала, что вы квартиру на Андрея записали, так ваш Говняся сказал: «Я ей тогда деньги посылать не буду, если квартира вам остается».

ГОЛОВАЙКО. Ты еще посмотришь, как твои дети о тебе вспомнят!

СОКОЛОВА. А я и не надеюсь ни на кого! Знаю, что на могилу не придут!

ДЕНИС (всплеснув трусами). Приду.

СОКОЛОВА. Ну тебя в манду! нужны мне ваши приходы! Вы меня в гроб не заталкивайте – уже спасибо!

Соколова отворачивается к столу, продолжает готовить.

КСЮША (из коридора). Мааам! Тут тётъ Нтша пришл!
СОКОЛОВА. Ох! все в одну минуту!..

Соколова поспешно вытирает руки об фартук.

Сцена 11.

Одна из комнат, где Ненашинской ставят капельницу. Присутствуют Анастасия Кирилловна, Алена Сергеевна, Нина Борисовна Головайко и медсестра Наташа.

СОКОЛОВА. Мама, поработай кулачком... поработай...

ГОЛОВАЙКО. Вот так! вот так!

НЕНАШИНСКАЯ. Ослабла совсем...

НАТАША. А вы постарайтесь...

ГОЛОВАЙКО. Вот так! вот так!

НАТАША. Оп! (Вставляет иглу.) Ну вот теперь лежите так...

Наташа развязывает и убирает жгут.

НЕНАШИНСКАЯ. Все время?

СОКОЛОВА. Мама, ты недавно в туалет ходила – что еще надо?

НЕНАШИНСКАЯ. У меня ночнушка забилась...

СОКОЛОВА (поправляет и рвет ткань). Ёб тебя! Что ты не могла спокойно полежать!

Соколова прикрывает дыру рваными краями.

НЕНАШИНСКАЯ. Она мне там натирала.

ГОЛОВАЙКО. Ну мы вас просим уж спокойно полежать.

НАТАША. Очень просим...

Наташа открывает вентиль капельницы.

СОКОЛОВА. Все, мама, без выкобениваний. Лежи тихонько, а я тебе пока зашью.

Медсестра и Головайко садятся на стулья. Алена Сергеевна вынимает из шкафчика внутри стола нитку и иголку.

СОКОЛОВА. Повернись мама поудобней.

НЕНАШИНСКАЯ. Нельзя на человеке...

СОКОЛОВА. А ты закуси ворот.

НЕНАШИНСКАЯ (пытается поймать ткань зубами). Не получается.

СОКОЛОВА (сует ей в рот). На! Держи крепко!

Пауза. Начинает зашивать.

НАТАША (прерывая молчание). Мне одна девочка рассказывала, что у них в школе просят, чтобы дети прикладывали руку к сердцу, когда входит домла.
ГОЛОВАЙКО. А домла – это кто?

СОКОЛОВА. Это пан. (Наташе) Нина Борисовна у нас в Польше росла.

ГОЛОВАЙКО. Так это пан? Тьфу, суки!

НАТАША. Но они ведь русским классам приказали.

СОКОЛОВА. А те что?

НАТАША. А те – отказываться.

НЕНАШИНСКАЯ. Ай! (Выпускает ворот.) Ты меня уколола!

СОКОЛОВА (сквозь зубы). Да что ж за манда такая нежная! Ты почему изо рта выпустила! (Засовывает обратно.) И не отпускай, иначе ум зашью!

НАТАША. А в другой раз сняли с экзаменов, чтобы парк подметать. А веники все раздрызганные такие.

ГОЛОВАЙКО. Тьфу, суки!

НАТАША. И у нас в прошлый раз субботник устраивали. Сказали, кто не выйдет – отнимем премию! А как я не выйду, если у меня ребенок...

Наташа замолкает.

СОКОЛОВА (приостанавливает свою работу). А у Дениса в школе ребята-старшеклассники залезли к новенькой учительнице и класс обгадили.

НАТАША. Как это... обгадили?

СОКОЛОВА. У нее сначала дверь ключом не открывалась, когда утром пришла – спички засунули. А потом, как зашла, так видит: всюду – говно. В вазу – мочились, тетрадами – жопы вытирали.

НАТАША (качая головой). Ужасно, ужасно...

ГОЛОВАЙКО. А я, когда молодая была, то у меня ногу в эти... механизмы... молотилку затянуло. И я чуть без ноги не осталась тогда.

СОКОЛОВА. Что сейчас за дети пошли? У Дениса в школе целый класс подожгли. Ночью бросили в окно горящий кусок смолы и убежали. А когда пожарные приехали, то там уже одни угли. На следующее утро милиционер всю школу построил и сказал, что они сами виноваты. Это их друзья бросают, а пожарка – далеко.

ГОЛОВАЙКО. Так они что хочешь скажут – лишь бы не работать! Я вот, когда мала была, то с забора упала, еще когда на братином велосипеде ездил, а мать говорила, что в царские времена – одна нищета. В церковь девке пойти было не в чем!

НАТАША. Или нам сказали всем больным продавать книжки «Что значат узбекские имена?». Ее зять главврача написал, но ее никто не берет. А тесть распространяет. И нам сказали – как хотите, так и выкручивайтесь. А русские ведь – не берут.

НЕНАШИНСКАЯ. Зы! зы!

ГОЛОВАЙКО. А на каком эта хреновина писана?

НАТАША. На узбекском.
НЕНАШИНСКАЯ. Зы! зы!
ГОЛОВАЙКО. Тогда какого лиха она нужна?
НАТАША. Главврач сказал – попробуйте только не продать.
НЕНАШИНСКАЯ. Зы! зы!
СОКОЛОВА (раздраженно). Мама! что ты зызыкаешь!
НЕНАШИНСКАЯ (выплевывает воротник). Пузырек!!

Все бросаются к капельнице: по ее прозрачной трубке неумолимо ползет пузырек воздуха.

НАТАША. Ай!

Наташа выдергивает иглу. Кровь Анастасии Кирилловны разливается по ее руке.

НАТАША. Я ведь не китайскую принесла! Это от китайских у нас в отделении несколько умерло. Но без родственников. Тем, кто с роднёй – мы такие не ставим.

Наташа прикладывает к ранке клочок ваты.

СОКОЛОВА. Мама, что ж ты растеклась вся! Ляг вот так!

Соколова поворачивает ее.

НЕНАШИНСКАЯ. А-а-а!!
СОКОЛОВА. Что случилось?!!
НЕНАШИНСКАЯ. Иголка!!
СОКОЛОВА (вытягивает за нитку иглу). Что ж ты всей тушей хряпаешься?! Надо быть поосторожней!
НАТАША (рассматривает капельницу). Вроде нормальная...
ГОЛОВАЙКО. Вы мне потом пустую бутылку отдайте – я в стеклотару отнесу.
СОКОЛОВА (толкает ее в бок). Я Наташе обещала...
НЕНАШИНСКАЯ. Меня сморило...

Затемнение.

Сцена 12.
Денис и Алишер (сын Наташи) вдвоем. Молчат.

АЛИШЕР (резко прерывая молчание). А у тех, кто дрочится, волосы растут под ногтями.

Денис украдкой смотрит на свои руки.

АЛИШЕР. Ва-ха-ха! Ты посмотрел!

ДЕНИС. Я... не... просто так.
АЛИШЕР. А еще сложи три пальца.
ДЕНИС. Зачем?
АЛИШЕР. Получится размер члена.

Денис складывает пальцы.

АЛИШЕР (показывает три пальца). А у меня вот какой.
ДЕНИС. Ага.

Пауза.

АЛИШЕР (вынимает инкрустированную ложечку). У меня вот – ложечка. Я ее на даче у знакомых нашел. Она там была в стену замурована.
ДЕНИС. Кем?
АЛИШЕР. Чудовищами.
ДЕНИС. Чудовищами?
АЛИШЕР. Да. И тот, кто на нее посмотрит, сойдет с ума. Я сам целый день бредил.
ДЕНИС. И я... тоже буду?
АЛИШЕР. Конечно. А если не будешь, то навсегда сойдешь с ума.
ДЕНИС. Ты врешь. Я знаю.
АЛИШЕР. Сам ты хлюздун! Спорим, ты боишься?
ДЕНИС (неуверенно). Давай...
АЛИШЕР. Тогда встань, закрой глаза и увидишь монстров, которые потеряли эту ложку. А если испугаешься, они через ноздри высосут твой мозг.

Денис встает и зажмуривается. Алишер ждет немного, а затем стягивает с Дениса шорты вместе с трусами.

АЛИШЕР. Ха-ха-ха! Голая жопа! Голая писька!
ДЕНИС. Ты охуел что ли?

Денис пытается натянуть штаны.

АЛИШЕР (не позволяет ему одеться). Кто охуел, ты, падла!
ДЕНИС. Ты охуевший гандон!
АЛИШЕР (бьет его в пах). На! ебан!
ДЕНИС (падает). Я сейчас твоей маме все расскажу!
АЛИШЕР. Ага, расскажешь. С голой жопой и яйцами.
ДЕНИС. Тогда я тебя убью.
АЛИШЕР. Я сильнее тебя. Я с дядей тогда его машину толкал: нехуёвую тачку.
ДЕНИС. Я тебя все равно убью.
АЛИШЕР. Не сможешь. Я тебе одну вену пережму, мне мама говорила, и ты тут же сдохнешь или станешь долбаёбом: будешь до конца жизни в трусы срать. (Смотрит на его белье.) Эй ты, вафлер! У тебя тут кончина засохла!

ДЕНИС. Что?

АЛИШЕР. Ты ночью обкончался, и у тебя сперма засохла на трусах.

ДЕНИС (прикрывается ладонями). Отдай... Ты мне надоел.

АЛИШЕР. А почему ты трусы не поменял? Надо менять.

ДЕНИС. Я думал, это моча.

АЛИШЕР. Моча? Ха-ха-ха! ну ты и ебан! Она же, как засохла корка.

ДЕНИС. Я не знал. Отдай.

АЛИШЕР. И так ходишь? Может ты еще и жопу от говна не вытираешь?

ДЕНИС. Я вытираю. Отдай.

АЛИШЕР. Это, ебан, называется поллиции. Мне мама говорила. У всех мальчиков бывает перед тем, как они по-настоящему ебаться начнут.

ДЕНИС. Отдай.

АЛИШЕР. А у баб из пизды начинает кровень течь. Это называется ментструации. Мне мама говорила. А еще у нее такая штука есть: кружок, а на нем такой сектор на шурупике. Короче, баба вращает эту хуйню и определяет, когда у нее потечет.

Прикольно?

ДЕНИС. Ага.

АЛИШЕР. Прикинь, ты знаешь, когда обкончаешься.

ДЕНИС. Ааа...

АЛИШЕР (отталкивает его). На, забирай свои трусы: от них воняет.

ДЕНИС (тихо). Сам ты воняешь...

Денис одевается.

АЛИШЕР. А ты свою сперму когда-нибудь пробовал?

ДЕНИС. Нееет... Это ты свою, наверное, пробовал.

АЛИШЕР. Не пизди: все мужики нюхают и слизывают сперму с кулака. Она соленая и очень сильно воняет. Поэтому некоторые бабы ненавидят, когда им кончают в рот. Их может рвать потом.

Денис молчит.

АЛИШЕР. А ты знаешь, что высохшее спермное пятно – это миллионы твоих детей? (Денис молчит.) Прикинь, и ты бы мог также у папы на трусах засохнуть! (Денис молчит.) А мама бы тебя потом постирала и смыла в канализацию. (Денис молчит, Алишер злится.) Нет, ты представь себе, что ты это не ты, а кусочек папиной кончинки. Что ты был у папы в хуе, а потом выплеснулся на простыню, а мамашка такая говорит: «Ох, бля, теперь стирать придется». И идет потом в ванну и так пальчиком тебя отковыривает. Засохшего.

Денис молчит. Затем падает в обморок.

АЛИШЕР. Эй, ты чё? (Подходит к нему.) Ты чё?.. эй!.. Я тебе сейчас в лицо пердну, если не встанешь. (Поворачивается спиной понарошку.) Эй!.. Сейчас пердну.

Денис неподвижен. Алишер пугается и убегает.

АЛИШЕР. Мама! Мама! Тетя Алена! Тетя Алена!

ГОЛОСА. Что? что такое?

АЛИШЕР. Там ваш Денис упал!

СОКОЛОВА. Как упал?

Все вместе входят в комнату.

АЛИШЕР (тараторит). Всякие страшные вещи рассказывал, а потом сам себя испугался и упал.

СОКОЛОВА. Ах, гад! Наверное, вчера какой-нибудь фильм посмотрел и перебзделся.

ГОЛОВАЙКО. «Вий» - такой страшный фильм. Я когда первый раз смотрела, то все время Романа Антоныча за руку хватала.

НАТАША. Ой, какой бледный! Давайте его положим на что-нибудь.

Кладут Дениса на кровать.

НАТАША (бьет мальчика по щекам). Очнись! очнись!

СОКОЛОВА. А ну очнись – все волнуются. О нас хотя бы подумай.

ГОЛОВАЙКО. Надо его водой облить.

НЕНАШИНСКАЯ. Алёёёнааа... куда вы ушли?..

СОКОЛОВА (в сторону). Сей-чаззз!

ДЕНИС (открывает глаза). Насыпали цветной порошок... а он взорвался... (Широко раскрывает глаза.) Убью! убью! убью!

НАТАША. У него бред!

СОКОЛОВА. Только этого не хватало! И заболел, и забредил!

НАТАША. Знаете, у меня дома разные молитвы есть против наваждений. Мне одна знающая женщина давала. У нее дочка шизофреничка, так она ей Вивальди включает и эти молитвы читает.

СОКОЛОВА. И помогает?

ДЕНИС. ...голый... на асфальтном катке... мажет валиком... баллон кислоты...

НАТАША. Очень хорошо помогает. Она сейчас директор телеканала.

ГОЛОВАЙКО. Это которого? Мне так нравится «Час с властью»!

СОКОЛОВА. Ох, какая умничка! А мой только болеет и в припадках!

АЛИШЕР (сочувственно). Он, наверное, очень впечатлительный.

СОКОЛОВА (уверенно). Он невротический истерик!

ДЕНИС (пучит глаза). Огромная клетка! (Хватает Соколову за руку.) Мама, огромная клетка! Как в учебнике биологии! Она ползает по потолку! Это сперматозоид!

СОКОЛОВА (склоняется к сыну). Нет никакой клетки, сыночек. Ты просто сумасшедший немножко. Вот сейчас тетя Наташа молитвы даст и бесы из тебя выйдут.

ДЕНИС. Это настоящая клетка!

СОКОЛОВА (тихо). Не мели херню. Мы тебя сегодня обшепчем и все будет нормально.

ДЕНИС. Мама, а правда, что я засох?

СОКОЛОВА (трогает его лоб). Нет, ты мокренький наоборот. От истерического припадка!

НАТАША. Пойдемте, Алена Сергеевна. Чем быстрее – тем лучше.

ГОЛОВАЙКО. Вы мне тоже молитвы скажите... а то у меня потерялась книжечка...

СОКОЛОВА. Ага-ага. (Заворачивает сына в одеяло.) Ты полежи пока, Деня. У тебя озноб: от болезни и нервов. Ты весь трясешься. Как ненормальный. (Идет вслед за Наташей.) Бегу-бегу...

Все выходят.

АЛИШЕР. Пока, Денис!

Денис хочет что-то сделать: закричать, например. Но вместо этого он делает шумный глоток воздуха и замирает. Кажется, что он задохнулся.

Сцена 13.

Кухня. На пороге на маленькой табуретке сидит полуголый Денис, его плечи накрыты каким-то полотенцем, вышитым старославянским шрифтом. Соколова зажигает свечу. Ксюша наполняет тазик водой из-под крана, несет матери. Соколова крестит воду и что-то бормочет над ней. Затем Ксюша держит тазик над головой Дениса, а Соколова каплет расплавленным парафином на воду, одновременно читая молитву.

СОКОЛОВА. Бо-бо-бо-бо-бо!

Бо-бо-бо-бо-бо!

Бо-бо-бо-бо-бо!

Время от времени на балконе мяукает кот Шызык.

КСЮША. Ай! на пальцы мне не капай!

СОКОЛОВА. Ну что, получается тут что-нибудь?

КСЮША. Какая-то лепешка.

Ставят таз на стол, задувают свечу. Соколова вынимает парафиновый блинчик, рассматривает его.

СОКОЛОВА (подходит к сыну). Деня, посмотри сюда, пожалуйста. Я тебе сейчас покажу, что получилось и ты должен будешь сказать, что это – тогда ты выздоровеешь.

Соколова показывает.

ДЕНИС. Я... я не понимаю...

СОКОЛОВА. А ты приглядишься... может что-то увидишь...

КСЮША. На гриб похоже...

СОКОЛОВА. Ксюша, не подсказывай!

ДЕНИС. Это... это ничего.

СОКОЛОВА. Ты посмотри внимательнее... может чье-то лицо? Того, кто тебя сглазил.

ДЕНИС. Здесь ничего нет.

СОКОЛОВА. Деня, не упрямясь! Скажи, что ты видишь!

ДЕНИС. Я ничего не вижу. Кроме пятен.

СОКОЛОВА. Каких пятен? пятен?

ДЕНИС. Не здесь, а вообще... они плавают по комнате. Они внутри моих глаз, но как будто ползают по всем предметам, как жирные бляшки в супе...

СОКОЛОВА. Хватит доканывать мать! Что ты видишь здесь?

Соколова тычет ему в лицо парафином.

ДЕНИС. Здесь ничего нет!

СОКОЛОВА (дает ему подзатыльник). Скотина! мало того, что где-то бред подхватил, так еще и лечиться не хочет. Мать с сестрой ему божественную молитву откопали, свечку жгли, а он даже и смотреть не хочет.

КСЮША. Мы ему безразличны.

ДЕНИС. Ксюша, у тебя на лице морской конек.

СОКОЛОВА. Что?

ДЕНИС. А теперь он на тебе, мама. Он самый большой из моих клеток.

СОКОЛОВА. Как же ты надоел... (Срывает с него полотенце.) На, Ксюша, унеси.

Нет, в стирку брось. После него лучше – стирать. Или сжечь.

КСЮША (натягивает рукав на ладонь). Я даже руками брать не хочу. Чтобы не заразиться. Чтобы не сойти потом с ума. Чтобы не обезуметь.

Ксюша уходит с брезгливо зажатым полотенцем.

ДЕНИС. У меня горло болит.

СОКОЛОВА. А жопа у тебя не болит? Ты болеешь, потому что орешь. Вы ведь в школе как параноики бегаете друг за другом! И орете! Ксюша говорит, что видела, как ты играл в выбивалы. Бегаешь потный, орущий, матерящийся! Грязный мяч трогаешь руками, в лица друг другу бросаешь! Вот почему ты болеешь!

ДЕНИС. Но ведь все дети болеют.

СОКОЛОВА. Они болеют изредка и еще чем-нибудь занимаются. Ни у кого из моих знакомых такого сволочного ребенка нет. У всех дети чем-нибудь занимаются: ходят в секцию, на плавание, занимаются спортом. И только ты – чахнешь и чахнешь. Когда ты был маленький, я тебя жалела, если болел. А сейчас – ты сам виноват.

ДЕНИС. Почему я виноват, если я не виноват.

СОКОЛОВА. Потому что ты на мать плевал и бог тебя наказывает за это.

ДЕНИС. Я... (Вскакивает.) Я куплю шпагу, как у мушкетеров, и заколю тебя!

СОКОЛОВА. Скоти...

КСЮША (кричит с балкона). Шызик обосрался!

СОКОЛОВА. Скотина! (Не знает, куда бежать и кого бить. Наконец, бросается на балкон.) Сволочь! Обгадил половик! Ксюша, унеси его!

КСЮША. Я не буду – он грязный!

СОКОЛОВА. Я говорю, унеси кота, пока его еще не вырвало!

КСЮША. Он тоже грязный!

СОКОЛОВА. Деня, унеси этого скота!

Входит с балкона на кухню, несет половик кулем. Проходя мимо сына, показывает ему содержимое.

СОКОЛОВА. Знакомьтесь, два говна!

КСЮША (кричит в окно). Деня! Деня! Скорее его уноси! Он уэ-уэ начал делать!

ДЕНИС (бежит на балкон). Сейчас!

Звонок в дверь. Голоса.

НЕНАШИНСКАЯ (кричит из комнаты). Звонят! Алена, звонят! Ксюша, звонят! Деня, звонят!

СОКОЛОВА (появляясь на мгновение). Неужели отец? Деня, зажми кота где-нибудь на балконе! Отец увидит, шкуру сдерет! Ксюша, иди скорее половик под ванну! Нет, под ванну не прячь: отец там иногда лазает! Спрячь куда-нибудь!

НЕНАШИНСКАЯ. Звонят!

КСЮША. Слышим! Деня, когда отец в спальню пойдет, ты его тихонько выкинешь в подъезд!

ДЕНИС. Отца?

СОКОЛОВА. Отец вас кормит!

КСЮША (из коридора). Это не отец!

СОКОЛОВА. А кто же вас кормит, сволочи, кто?!!

КСЮША. Не отец, а Буба!

СОКОЛОВА. Да-а! Накормит она вас! Она в последний раз Деню накормила щавелевым супом, что его рвало!

КСЮША (кричит). Это Буба в дверь ломится!

СОКОЛОВА. Ухх! Все равно кота отнесите: лучше раньше, чем позже.

Сцена 14.

В комнату, где лежит Анастасия Кирилловна, входит Нина Борисовна. Ксюша идет впереди нее. Мы слышим финал истории, которую бабушка рассказывает спине своей внучки.

ГОЛОВАЙКО. ...он мне говорит: «Жалуйтс камю хатите!» А я ему говорю: «Вот тебе и пожалуесь!», и этой капустой в него бросила. (всем сразу) А я вот шла и зашла.

НЕНАШИНСКАЯ. Здравствуйте...

ГОЛОВАЙКО. А вы все сидите?

СОКОЛОВА (входит). Здравствуйте. А она все сидит.

ГОЛОВАЙКО. А я вот пока шла, придумала – вы возьмите плотную веревку и на пятку ее вот так, как петлю. И тяните вверх-вниз, вверх-вниз, разрабатывайте ногу, разрабатывайте. (Протягивает руку.) Дайте какую-нибудь веревку!

КСЮША. Деня – дай.

ДЕНЯ. А ты что?

КСЮША. Я – должна резать овощи.

СОКОЛОВА. Деня, не ерепенься. Отрежь от бобины кусок и принеси.

ГОЛОВАЙКО. А в туалет вы как ходите?

НЕНАШИНСКАЯ. Хожу.

ГОЛОВАЙКО. А как вы ходите?

НЕНАШИНСКАЯ. На весу.

ГОЛОВАЙКО. Это как это?

СОКОЛОВА. Она ведь сама встать не может, она может только долбать: подними ее, да подними. А мы все не сторукие...

ДЕНИС (входя). ...как шивы.

СОКОЛОВА. Не хами. А мы не сторукие и не стоногие, чтобы как посрет – так идите.

Соколова протягивает веревку Головайко.

ГОЛОВАЙКО (протягивает веревку). Вот – берите.

НЕНАШИНСКАЯ. Спасибо...

Ненашинская обматывает веревку вокруг шеи.

СОКОЛОВА. Вы только посмотрите, что эта скотина делает! (Бросается к ней.) Ты, мама, меня совсем удосужить хочешь! Совсем в гроб закопать! В землю забить! (Разматывает и отнимает веревку.) Вот тебе вешаться! вешаться!

Соколова хлещет веревкой.

НЕНАШИНСКАЯ. Ай! ай! ай!

ГОЛОВАЙКО. Алена! Алена!

ДЕТИ. Мама! мама!

СОКОЛОВА. Когда же вы все сдохните?! Когда?!

ГОЛОВАЙКО. Алена!..

СОКОЛОВА. Что Алена? Алена – голова зелена! Что вы к другим своим снохам не шастаете? Что вы к своему Степаньке не ходите? Потому что он со своей крашенной вас с лестницы спустил! А сынок его, Кешечка, которого вы тетешкали – где он теперь? Он с корейкой тупорылой ребеночка слепил, а теперь хочет в Канаду уехать к сестре. А вы все «сиротинка Кешечка! сиротинка!». Да какой он сиротинка? Жопу себе на канадских харчах еще отъест! А что вы к нам ходите? Я вас сколько раз, когда молодые были, просила с детьми посидеть! А вы что? А вы:

у тебя есть мать! А зонтик мой, прибалтийский, вы на пляж утащили, и он весь выгорел. А он в шкафу стоял. Зачем было в шкаф! А Коленьку вы тогда квасом на жару зачем напоили и к нам приперлись, а этот выродок мне новую обивку на диване обрыгал. А Стёпачка, сынок ваш, Денису на день рождения старые детские колготки подарил! А перед Новым годом, перед миллениумом, зачем вы с Андреем из-за Ельцина поцапались? Ушел хер в отставку – ну и ушел. А Андрей в полночь зеленый сидел. Миллениум раз в две тысячи лет бывает, а вы его обгадили. Я две тысячи не проживу – вы проживете, старые суки. Вы прожив... вы...

Соколова опускается на стул. Пауза. Ксюша, зыркнув на Нину Борисовну, подбегает к столику с бабушкиными лекарствами и достает сразу несколько пузырьков. Все происходит молча. Через минуту Головайко нарушает молчание.

ГОЛОВАЙКО. Извини, Алена... я зашла сказать, чтобы в субботу ко мне на день рождения...

СОКОЛОВА. Не приду. Нет.

ГОЛОВАЙКО. Я хотела в последний раз всех собрать, чтобы все сказать... все... и всем...

СОКОЛОВА (пьет капли). Уже... сказали... уже... наговорились...

Денис срывается с места, подбегает к бабушке сзади и бьет ее кулаком в спину.

ДЕНИС. Сдохни, сука!

ГОЛОВАЙКО. Ай! (Оборачивается, отталкивает внука.) Ты что – ошалел?

ДЕНИС. Ты меня не толкай, я – не холоп! (Бьет на таран бабушку головой в живот.) Лопни!

СОКОЛОВА. Денис! Денис!!

КСЮША. Деняя! Деняяя!!

Мать и сестра оттаскивают взбесившегося Дениса от бабушки. Ненашинская бессмысленно сучит ногами и руками по воздуху. Головайко, согнувшись от удара и держась за живот, молча уходит.

ДЕНИС. Я ей врезал. Я всем врежу.

СОКОЛОВА. Тих-тих... тих... (Поит сына валерьяновыми каплями.) ну-ка... не проглоти только бутылек...

КСЮША. Проглотишь – тебя будут разрезать, чтобы вынуть.

СОКОЛОВА. Будут ниточками тебя зашивать... как мамин желчный... а потом нитки гниют в пузе, а гной выходит в полости...

Денис затихает.

Сцена 15.

Кухня. Через некоторое время те же и Анастасия Кирилловна.

НЕНАШИНСКАЯ. Ксюшечка, подстриги мне ноготочки, пожалуйста.

КСЮША. Мне надо идти – Денис подстрижет!

ДЕНИС. Куда это тебе нужно?

КСЮША. Слушать погоду, а потом вызывать врача.

ДЕНИС. Хочешь, я за тебя послушаю и вызову?

КСЮША. Ты все перепутаешь: вызовешь погоду и слушаешь врача, потому что ты – ненормальный.

Ксюша исчезает.

СОКОЛОВА (Денису). Давай не ленись! Бабушка для вас тоже делала.

ДЕНИС. Когда?

СОКОЛОВА. Когда вы маленькими были.

ДЕНИС. Почему всегда для меня делали, когда я был маленьким и когда я ничего не помню?

СОКОЛОВА. Потому что ты тогда еще не был подлым. А сейчас для тебя ничего делать не хочется.

НЕНАШИНСКАЯ (протягивает руки). Подстриги, Деня.

ДЕНИС. Сейчас... (Берет кусачки.) Давай...

Денис стрижет бабушке ногти.

НЕНАШИНСКАЯ. Сил у меня совсем нету... износилась я... для вас...

СОКОЛОВА (вскрикивает). Для кого ты износилась? Для меня износилась? Когда мы с Андреем поженились, как ты меня вытуривала? Помнишь? Сначала его мать меня вышвырнула, потом – ты.

НЕНАШИНСКАЯ. Я... не...

СОКОЛОВА. Ты говорила, что примак здесь не нужен! А теперь ты у него дома сидишь! Ты ради Дениса никогда и ничего не сделала! Только с Ксюшей еще возилась, а с ним – никогда.

ДЕНИС (оторопев). Нет... ты просто не помнишь, наверное... ты маленькая была...

СОКОЛОВА. Как ты меня выпроваживала, помнишь? Я с Ксюшкой гулять пошла, а ты к отцу с рюмочкой – знала, что он после рюмочки добреет. Говоришь, мол, так и так, давай их вытурим отсюда, пусть на квартиру уезжают.

НЕНАШИНСКАЯ. Неправда... ты не могла знать... ты гуляла.

СОКОЛОВА. А я тогда вернулась за смесью для Ксюши и все услышала. У меня ведь тогда мастит был – грудь разрезана! Кормить не могла, из бутылочки всё!

НЕНАШИНСКАЯ. Такого не было! Не было!

СОКОЛОВА. А как вы с отцом дрались! Такого тоже не было? А как я вас ребенком разнимала? Этого тоже не было? Он меня об стенку как шарахнул, что у меня кровь из головы брызнула. Я ее потом сама с косяка отмывала тряпкой! Куском отцовой фланелевой... а она ведь не впитывает...

ДЕНИС. Мама! мама! Это тебя дед Сережа так бил?

СОКОЛОВА (садится). Да... да... дедушка твой...

ДЕНИС. Но его ведь бог наказал: он напился и с моста упал. Он ведь утонул? Так ему и надо! Так и надо!

СОКОЛОВА. Что?! Откуда ты знаешь?!

ДЕНИС. Бабушка когда-то рассказала...

СОКОЛОВА (матери). Зачем ты ребенку это говорила? Он же больной – будет кричать по ночам!

ДЕНИС. Не буду, мама! Не буду! Бабушка это так весело рассказывала: как дедушка распух и всплыл, как вы его в морге опознавали. И там еще ходил врач в халате на голое тело. Он все пел какую-то песню...

СОКОЛОВА. Замолчи!.. Замолчи... (Плачет.) Я когда только родилась, у них даже кровати для меня не было. Они положили меня в чемодан. Но потом туда окотилась кошка и меня перенесли в шкаф.

ДЕНИС. Я тоже живу за шкафом. Не плачь.

СОКОЛОВА. А я лежала на полке в самом шкафу. И его все время держали открытым, чтобы я не задохнулась. (Молчит.) У меня грудь искромсана, ребенок на руках, а она меня с мужем на все четыре стороны выставляла... Теперь вот: с унитаза сама встать не может.

ДЕНИС. А царица Екатерина умерла на унитазе, а Мартину Лютеру явилось откровение и все девяносто пять тезисов...

СОКОЛОВА (вытирает слезы). У бабушки твоей два тезиса: Алена принеси, Алена унеси...

ДЕНИС (гладит мать по голове). Хочешь, я Шызика от соседки принесу? Она его все равно не кормит. Он к нам ходить любит.

СОКОЛОВА. А отец? Он же запретил... Он с ним тогда играл, а он его за палец укусил. Отец орал.

ДЕНИС. Но он ведь – животное.

СОКОЛОВА. Он тебя кормит...

ДЕНИС. Так я принесу?

СОКОЛОВА. Принеси... только тихо.

Денис убегает. Сталкивается в коридоре с вернувшейся сестрой.

КСЮША. Куда понесся такой возбужденный? Такой психопат! (Входит в кухню.) Привет!

СОКОЛОВА. Послушала?.. Вызвала?..

КСЮША. Да: завтра жара и без осадков, а врач придет.

НЕНАШИНСКАЯ (словно выныривая). Газетки дашь почитать?

КСЮША. Нет, не дам – под себя положу и сидеть буду. (Подает.) На. Елина опять беременна.

СОКОЛОВА. А что сказали из поликлиники?

КСЮША. После двенадцати должна придти.

НЕНАШИНСКАЯ. Еремова?

СОКОЛОВА. Еремова уже давно не работает. У нее дочь в Москве пропала, муж недавно умер.

НЕНАШИНСКАЯ. А чего она там пропала?

СОКОЛОВА. А кто его знает... Дочку оставила пятнадцатилетнюю матери.

НЕНАШИНСКАЯ. Ммм... А кого позвала?

КСЮША. Рахматову.

НЕНАШИНСКАЯ. Узбечка?

СОКОЛОВА. А русские, мама, все давно уже уехали. Только мы, дураки, остались.

НЕНАШИНСКАЯ. Узбечки плохо лечат.

Ненашинская погружается в чтение.

СОКОЛОВА. Плохо-неплохо – выбора нет. (Подает дочери разделочную доску.)

КСюша помощи нарезать.

КСЮША. Сейчаааас. Руки только помою.

КСюша моет руки под краном и споласкивает доску.

СОКОЛОВА. Ты по ней хотя бы губкой поширкой.

КСЮША. Хорошо...

СОКОЛОВА (наблюдает). Что ж ты сухой возишь?

КСЮША. Ты сказала.

СОКОЛОВА. Хотя бы мощного средства капни.

КСЮША. Ладно...

СОКОЛОВА. Ты в бутылку не налей, а то будет одна жиделяжка.

КСЮША (заканчивает мытье). Я Василиску с мужем в окне видела.

СОКОЛОВА. И как она?

КСЮША. Как и раньше – кобыла. (Садится за стол, начинает что-то стругать.) Я вчера с фаридкиной мамой разговаривала. Ну я тебе уже рассказывала, что у нее двойня должна была быть, а получился выкидыш. Так теперь у нее еще муж в больнице.

СОКОЛОВА. Что случилось?

КСЮША. Он какие-то банки с верхней полки доставал, а она обвалилась. Банки – на него. Все в осколки! Ему лицо – изрезало! Всего – в месиво! Один глаз чуть не выбило. Теперь его всего – зашивают.

СОКОЛОВА (вяло). Ужас-ужас.

КСЮША. А у Гульки все нормально. У нее муж, правда, турок – ужасный идиот. Замотал ее в паранджу. Хочет, чтобы их дочка училась в мусульманской школе, отдельно от мальчиков. Заставляет Гулю забыть русский и выучить арабский, чтобы Коран читать и молиться.

Денис вбегает с котом Шызиком.

ДЕНИС. Вот!

ШЫЗИК (растопырив лапы). Маууу! маууу!

СОКОЛОВА. На балкон его! на балкон!

КСЮША. Зачем вы его снова?

СОКОЛОВА. Деня, помой руки и садись жрать. Ксюша тоже давай.
ДЕНИС (пробегаёт). Хорошо!
СОКОЛОВА. Хватит бегать! Отцу и так не нравится, как ты топаешь! (В ванной шумит вода.) Мыль между яйц... пальцами! Чтобы не было микробов!

Пауза. Ненашинская шуршит газетой. Ксюша относит разделочную доску и садится обедать.

НЕНАШИНСКАЯ. Вот тут написано, что Анни Эклер знает тайну эликсира молодости... (Читает.) «Госпожа Эклер в семьдесят шесть лет выглядит едва ли старше пятидесяти. О своей внешности она говорит, что...»

СОКОЛОВА (раздраженно). У нее нет мужа и детей, которым нужно три раза в день подать-убрать!

ДЕНИС (вбегает). А что на обед?

СОКОЛОВА. Что дадут, то и будет! (Со стуком опускает тарелку.) Сам готовь, если не нравится.

ДЕНИС (принюхивается). Вроде бы не очень пахнет...

КСЮША (проглатывая ложку за ложкой). Я же ем...

ДЕНИС. Тогда был грибной суп и меня вырвало... (Ест.) И еще бывает жирная шурпа.

СОКОЛОВА (через плечо). Ты, мама, будешь есть?

НЕНАШИНСКАЯ (елозит на стуле). У меня, доченька, в желудочке застряло...

СОКОЛОВА. Что застряло?

НЕНАШИНСКАЯ. У меня трудности...

СОКОЛОВА. Просрать что ли?

ДЕНИС. Ги-ги-ги!

КСЮША. Не ржи за столом!

СОКОЛОВА. Я тебе тогда сливу дам, но только одну, чтобы сразу не пронесло.

(Вынимает из чашки одну сливу и подает матери.) На. И вот тебе еще тетрациклиновая мазь – в носу помажь, чтобы еще ОРВИ не подхватить, а я пока за давление мерить схожу.

Соколова исчезает. Денис и Ксюша перепинаются ногами под столом.

Ненашинская, оглядевшись, бросает сливу на пол.

СОКОЛОВА (входя). Хватит херовничать! Мама, давай руку мерить. (Наступает на сливу.) Ай! какой жирный таракан! (Рассматривает тапочек.) Таракан... с косточкой... Мама, это же слива твоя!

НЕНАШИНСКАЯ. У меня, доченька, рука от слабости разжалась, и сливонька упала...

СОКОЛОВА (качает головой, отмывая подошву). Йитиху мать... (матери) Давай руку...

Соколова меряет давление.

НЕАШИНСКАЯ. Сегодня душно...

СОКОЛОВА (работая нагнетательной грушей). Нельзя разговаривать во время давления...

НЕНАШИНСКАЯ. Ну я тогда не буду... не буду... разговаривать... если нельзя...

ДЕНИС. Спсба!

Денис быстро несет к раковине тарелку с супом, выливая остатки.

СОКОЛОВА. Ты все съел?

НЕАШИНСКАЯ. Ай-ай! руку пополам!

ДЕНИС. Да. А где печеньки?

Денис шарит по полкам.

КСЮША. Не трогай там! Это на сладкую картошку!

ДЕНИС. Тогда я хочу мед!

КСЮША. Много не ешь. Для сердца вредно. Болеть будет.

ДЕНИС. У тебя?

КСЮША. Еще слово, и у тебя заболит жопа!

СОКОЛОВА (выпускает воздух из груши). У тебя давление спортсменки, мама.

НЕНАШИНСКАЯ (закатывая глаза). В гроб лягу здоровая...

СОКОЛОВА. Куда ты положила мазь, мама?

НЕНАШИНСКАЯ. А вот... на вольтметр...

СОКОЛОВА (увидев тубик). Мама! без колпачка! на новый тонометр!

ДЕНИС (выхватывая прибор). Давай я помою!

КСЮША. Не давай ему! Он уже просверлил мне дрелью дырки в реферате!

СОКОЛОВА. Все! Хватит! (Отнимает у сына тонометр, вставляет матери в рот новую сливу.) Не роняй! Ксюша, ешь быстрее, пока отец не пришел! А то будете потом сидеть за одним столом: Деня – шмыгать, Ксюша – горбатиться.

ДЕНИС (смеется и шмыгает). Хе-хе-шмы-шмы!

СОКОЛОВ (из коридора). Денис, хватит жевать сопли! Ксюша, выпрями хребет!

СОКОЛОВА. А! Это отец! Подкрался!

СОКОЛОВ (стоя на пороге). Алена, дай ей швабру, если она не понимает!

СОКОЛОВА. Ты уже пришел, Андрюш? Какую швабру, Андрюш?

СОКОЛОВ. Пусть за спиной локтями держит швабру во время еды! А полы моет – без швабры! Тогда прекратит горбатиться! А Деню своди к доктору: к лору и психиатру. Пусть проверит, у него с носом проблемы или башкой.

Соколов исчезает.

СОКОЛОВА (шипит). Раздражили отца с порога! Завели отца! (Исчезает, затем появляется с шваброй. Говорит Ксюше.) На!

КСЮША. Бу-у...

СОКОЛОВА. Отец сказал! Не возьмешь за спину – в жопу засунет!

ДЕНИС. Ха-ха-ха!

СОКОЛОВА. А тебя я отведу к врачу. Он скажет: «Гайморит». Скажет: «У него гнойники в носу. Нужно перебивать перегородку». Возьмет молоточек и выдолбит весь хрящ. А врачей нормальных нет – одни харыпы. Он возьмет да и ударит неправильно – тогда гной прыснет в мозг и ты умрешь или станешь дебилом.

Соколов появляется из ванной, входит на кухню.

СОКОЛОВ. Если ты, Ксюша, не будешь следить за осанкой, то у тебя образуется горб.

СОКОЛОВА. Если ты, Деня, тоже будешь сидеть, как Ксюша, то и у тебя будет горб. У девочек горб образуется спереди, а у мальчиков сзади. Вы будете с Ксюшей двумя уродами: у нее – спереди, у тебя – сзади. Будете идти по улице, а все станут говорить: «Вот два урода Соколова. А у него, мальчика Дениса, еще и выдолблен нос».

ДЕНИС (искренне). Но я же умру из-за гноя?

СОКОЛОВ. Умрешь?

СОКОЛОВА. Умрешь?!

ДЕНИС. Ты ведь сама, мама, сказала.

СОКОЛОВА. Мама не могла такого сказать! Мама могла предупредить!

СОКОЛОВ (резко). Поели? (Дети кивают.) В комнату.

Дети поспешно встают из-за стола. Уходят. Соколова накрывает мать черной простыней. Супруги оказываются вдвоем.

СОКОЛОВА (ставит перед супругом тарелку с супом). Как на работе?

СОКОЛОВ. Нет работы.

СОКОЛОВА. Почему? Снова?

СОКОЛОВ. Все границы закрыты – автобусы не пускают, чинить нечего.

СОКОЛОВА. Почему же их не пускают?

СОКОЛОВ. Потому что боятся, что кто-то проедет в автобусах.

СОКОЛОВА. Что же ты будешь теперь делать?

СОКОЛОВ. Придется ездить за Ташкент. А это пятьдесят километров. И там нет вагончика и нет стенда.

СОКОЛОВА (охнув). Летом ты получишь удар и обезвоживание.

СОКОЛОВ. А зимой я могу простудить легкие.

СОКОЛОВА. Но, может быть, еще откроют границу?

СОКОЛОВ. Нет. Теперь все автобусы и маршрутки соберут в отдельный парк. Они всё берут под контроль.

СОКОЛОВА. Неужели им мало?

СОКОЛОВ. Я не знаю.

СОКОЛОВА. Ты поел?

СОКОЛОВ. Да.

СОКОЛОВА (убирает тарелку). Чай будешь?

СОКОЛОВ. Нет.

Молчат.

СОКОЛОВ. Я пойду полежу. (Отдаленный шум из детской комнаты.) Скажи, чтоб не грохотали.

Соколов уходит.

Сцена 16.

Вечер. Детская комната. Возле окна большой стол, за которым сидит Ксюша и делает уроки. К столу присверлена откидная крышка-столешница, под которую подставлена палка, – здесь занимается Денис. Он время от времени что-то пишет в тетради, бросает ручку и торопливо лепит пластилиновую фигурку.

ДЕНИС. Чего ты делаешь?

КСЮША (не поворачивая головы). Не мешай. Пиши аккуратней. Я вижу все твои ошибки.

ДЕНИС. Где? Скажи какие.

КСЮША. Допиши до конца.

ДЕНИС. Если я допишу, то понаделаю их еще больше.

КСЮША. Пусть. Пусть все в классе видят, какой ты дебилоид.

ДЕНИС. Так нельзя обзывать. Я скажу маме.

КСЮША. А я про тебя тоже скажу. Мне твоя классная подходила и жаловалась.

Она говорила, что ты орешь и всем надоедаешь.

ДЕНИС. Отстань. Я леплю.

КСЮША. Не отстану. Что ты лепишь?

ДЕНИС. Это нам задали, чтобы мы сделали «Мой папа».

КСЮША. Почему такой урод? Сделай, как будто отец лупит тебя ремнем, потому что ты дебилоид.

ДЕНИС. Ты сама такая. Я тебя щаз тоже слеплю.

КСЮША. А я возьму и скатаю в комок.

ДЕНИС. А я покажу и спрячу.

КСЮША. А я подгляжу и скатаю в комок.

ДЕНИС. А я...

КСЮША. А ты должен заниматься.

В комнату заглядывает Соколова.

СОКОЛОВА. Горячую воду отключили!

КСЮША. Наверное, авария.

ДЕНИС. Наверное.

КСЮША. Не каркай!

СОКОЛОВА. Ставьте себе воду заранее.

Соколова исчезает.

ДЕНИС. Я первый купаться!

КСЮША. Ты будешь последним купаться в ковшике.

ДЕНИС. А почему?

КСЮША. Потому что взрослым нужно больше воды: у них больше площадь тела.

ДЕНИС. А ты же такая худая, у тебя маленькая площадь тела.

КСЮША. Мне нужно мыть волосы и потом сушить долго, а в постель нельзя

ложиться с мокрыми. Из окна продует и будет менингит.

ДЕНИС. Это что?

КСЮША. Это голова загноится и отсохнет. Как у тебя язык когда-нибудь отсохнет.

ДЕНИС. Почему у меня?

КСЮША. Потому что ты говоришь много гадостей и семейное проклятие.

СОКОЛОВА (заглядывает в комнату). Деня, отец хочет с тобой поговорить...

Сцена 17.

Соколов одет в нижнюю майку и синие трикотажные брюки, весьма вылинявшие.

СОКОЛОВ (кричит). Денис!

СОКОЛОВА (заглядывая). Он сейчас-сейчас!

Входит Денис.

ДЕНИС. Да, папа.

СОКОЛОВ. Иди сюда.

Денис подходит.

СОКОЛОВ (агрессивно). Ты когда последний раз отжимался?!

Притягивает сына за руку, щупает его бицепс.

ДЕНИС. Вввчера.

СОКОЛОВ. Будешь врать – будешь в аду гореть, понятно?

ДЕНИС (тихо). Понятно...

СОКОЛОВ. Мышцы мягкие, значит, давно не занимался.

ДЕНИС. Немножко...

СОКОЛОВ (толкает мальчика). Давай, снимай рубашку, отжимайся.

Денис медленно стягивает с себя рубашку.

ДЕНИС. Мне уроки... надо делать... и лепить...

СОКОЛОВ. Не тяни, не заставляй меня нервничать. Я разнервничаюсь – тебе хуже будет.

Денис ложится на пол и два-три раза слабо отжимается.

СОКОЛОВ. Не сачкуй, глиста. Мышцы вон как труха.

Денис отжимается еще раз.

СОКОЛОВ. Выжимай полностью. (Не покидая стула, носком тапочка шлепает сына по животу.) Пузо подбери.

Денис продолжает отжиматься.

СОКОЛОВ (ставит ногу на спину сына). Теперь с отягощением.

Денис пытается отжаться еще раз, но под пятой отца падает грудью на пол.

СОКОЛОВ (презрительно). Ы-ы-ы-ы... Ты хотя бы боксировал, как я тебя учил?

ДЕНИС (вставая). Немножко...

СОКОЛОВ. Снова обманываешь?

Денис молча сидит на корточках.

СОКОЛОВ. Неси подушку с дивана.

ДЕНИС. На них лежит бабушка...

СОКОЛОВ. Тогда боксируй бабушку!

Денис выносит коричневую прямоугольную подушку.

СОКОЛОВ (берет ее в руки). Так. Теперь покажи мне стойку.

Денис пытается встать в боксерскую стойку, то выводит вперед левый кулак, то правый; поднимает попеременно плечи, переставляет ноги.

СОКОЛОВ. Ага – не знаешь! (Дает подзатыльник.) Запоминай. (Дает установку.) Со следующей недели пойдешь на плавание, понятно.

ДЕНИС (бессильно опускает руки). Но, папа... твои плавки с дельфинчиками...

СОКОЛОВ. Закрой рот. (Подняв подушку.) Давай. Как я тебя учил.

Денис слабо боксирует.

СОКОЛОВ. Бей! Бей! Ты мужик! Бей!

Денис, давясь слезами, продолжает боксировать. Андрей Витальевич на пружинящих ногах скачет рядом: «Бей! Бей!».

ДЕНИС (останавливается). Мне надоело... надоела твоя подушка...

СОКОЛОВ (дает сыну пощечину). Ты как с отцом разговариваешь? Ты понимаешь,

что такое отец?

Мальчик старается сдерживать всхлипывания.

СОКОЛОВ (приглядываясь). Я сколько раз тебе говорил, чтобы ты волосы на лоб не зачесывал! (Сдвигает ладонью волосы со лба.) Повесил как занавеску!

Вынимает из кармана спортивных брюк засаленную расческу и подает сыну.

СОКОЛОВ. Зачешишь, как я учил.

Денис причесывается.

СОКОЛОВ (взрывается). Ты как зачесался?

ДЕНИС. А... что?

СОКОЛОВ. Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты не зализывался! А ну иди сюда! (Денис робко подходит.) Это что за блин на башке? (Взъерошивает волосы.) Тебе отец говорит, ты почему не слушаешь? У меня позавчера и так на работе сердце прихватило, думал – не выкарабкаюсь... (Причесывает сына на есенинский манер.) Чуб должен быть, понимаешь? Чуб! А не пакля! Вот так, вот так...

ДЕНИС. Пппонятно.

СОКОЛОВ. Иди в ванну и в зеркало посмотришь.

Денис медленно уходит.

СОКОЛОВ. Стой! Как ты идешь?

ДЕНИС. Как?

СОКОЛОВ. Как мудака! Чего ты ноги по полу елозишь, как будто сопли вытираешь?

ДЕНИС. Я... иду...

СОКОЛОВ. Ты как старик ползешь. Давай, дуй и принеси мне свои башмаки.

ДЕНИС. Зачем?

СОКОЛОВ (кричит). Заткни хайло!

Мальчик выбегает.

СОКОЛОВ (сам с собой). Почему ору? А чего он волосы так вот так вот так делает? Я ему сто раз говорил, ссто раз говорил, а его слова отца не колышут. Да нахера я уродуюсь из-за него, блядь?! На работе все здоровье просрал!

Денис возвращается, подает отцу свою обувь.

СОКОЛОВ (оглядывает детские туфли). Так я и знал... (Показывая на каблуки.)

Смотри, как стоптаны... Это значит ты ноги не по-русски ставишь, когда идешь, ясно? Я тебе, что ли, каждый месяц должен новые башмаки покупать, а?

ДЕНИС. Ннне должен.

СОКОЛОВ. Хочешь хорошо жить, иди тогда на работу и вколачивай с восьми до восьми по четырнадцать часов – научишься тогда правильно ноги ставить. Я вижу в городе, что пацаны твоего возраста уже машины моют, на хлеб зарабатывают, а ты дома сидишь. (Дает толчок.) Давай, прошвырнись по комнате.

Денис неуверенно идет.

СОКОЛОВ. А че сутулишься? Тебе сколько раз говорить? Эй ты!

Мальчик останавливается.

СОКОЛОВ. Давай выпрямись. Пузо втяни, как я учил, грудь вперед. (Подходит к сыну и придает ему идеальную позу.) А ну-ка сними майку.

ДЕНИС (смущенно). Холодно.

СОКОЛОВ. Холодно – это когда ссышь и на лету застывает.

Денис стягивает майку.

СОКОЛОВ (брезгливо коснувшись сына). Глиста... (Оглядывая позвоночник.) Даже я, не врач, вижу, что хребет кривой... (Дает подзатыльник.) Небось сидишь, ногу поджав?

ДЕНИС. Немножко...

СОКОЛОВ. Дома без майки ходить будешь, чтобы тело дышало. Ты должен быть молодым, дерзким, здоровым, чтоб гордиться своим телом, понятно?

ДЕНИС. Пппонятно. (Задыхаясь.) Я еще буду красивым...

СОКОЛОВ. Не ребенок, а шакаленок. Думал, будет у меня сын – здоровый красавец, а не этот... сопля-мозгля. Тьфу!

Соколов машет на сына рукой, уходит. Денис один. Плачет.

Сцена 18.

Входит Соколова.

СОКОЛОВА. Ты чего трясешься?

ДЕНИС. Ннничего...

СОКОЛОВА (передразнивая). Ннниччеггго... истерическая трясучка!

ДЕНИС. Папа меня задолбал...

СОКОЛОВА. Это кто еще кого задолбал! это ты всех в доме задолбал!

ДЕНИС. Я не ваш ребенок – вы меня ненавидите!

СОКОЛОВА. Да если бы ты чужой был, то стали б мы тебе условия создавать.

ДЕНИС. Когда я маленький был, ты говорила, что сдашь меня в роддом.

СОКОЛОВА. Мы за твои роды в те времена сто рублей врачу отдали, чтобы только ты здоровым родился.

ДЕНИС. А я разве здоровый?

СОКОЛОВА. Значит, просрал ты нам эти деньги. Сколько раз отец тебе говорил,

чтобы ты занимался!

ДЕНИС. Я не могу заниматься четыре часа, а он говорит. У меня начинает голова кружиться. Меня тошнит, и я задыхаюсь.

СОКОЛОВА. А я что ли не задыхаюсь, когда с базара сетки тащу? А я что ли не тошнит? Ты мне хоть раз помог?!

ДЕНИС. Я всегда с тобой хожу, когда попросишь.

СОКОЛОВА. А тебя хер допросишься. Вечно сделаешь такую рожу, что прибить, на хер, охота.

ДЕНИС. У меня потом тоже все болит, если тяжелое подниму.

СОКОЛОВА. А кто поднимать должен – я? Ксюша - девочка, чтобы потом у нее опущение матки было?

ДЕНИС. Я хочу умереть.

СОКОЛОВА. Ну и умри чтобы таких слов не слышала! Ты хочешь и меня в гроб загнать? Отца уже довел, что он, как собака, в комнате лежит!

ДЕНИС. Он на кровати лежит... собаки на кроватях не лежат...

СОКОЛОВА. Он на кровати, как собака – один.

ДЕНИС. Пусть ляжет по-другому.

СОКОЛОВА. Отец всю жизнь одинокий человек. Его мать всегда безразличной была. Он когда в армию ушел, то она за два года два письма написала – все какой-то херовиной занята была по хозяйству. Кролики у них были, индюшки, а куда девались – неизвестно, потому что их никто не ел. Папа говорит, что у них семья была из «Гринпис», потому что они ели только покупных кур, а своих просто кормили. А когда второе письмо в армию пришло, то он открывает, а там пустой листок. Мать его такая занятая была, что в конверт, не глядя, чистый лист сунула. Он его обратно ей отослал.

Пауза.

ДЕНИС. А вы меня зачем в диспансер отдавали?

СОКОЛОВА. Диспансер – не армия. Отдавали, чтобы ты здоровый был и не чах каждую зиму. Отец всю квартиру своими руками построил от балкона до кухни. Когда мы ее получили, здесь ничего не было: загаженный чулан, сломанный унитаз – к соседям писать бегали, - раскуроченная ванна. Он здесь, когда полы лаком покрывал, то отравился...

ДЕНИС. А когда вы тогда полаялись, он заставил меня деревяшки лаком красить.

СОКОЛОВА. Закрой рот – «полаялись»! Я посмотрю, как ты со своей женой будешь жить, какая дура тебя выдержит. Отец тогда заболел и в больницу попал, я одна сюда приехала с дочкой на руках. Она еще грудничок, а все на моих плечах: и в больницу, и пеленки и работа. Приходим в палату, я говорю: «Ксюша, кто у нас тут в коечке?». Она говорит: «Дядя...»

Соколова вытирает слезы.

ДЕНИС. Если бы я так ответил, вы бы меня излупили.

СОКОЛОВА. Ксюша была добрый ребенок, а ты – подлючка.

ДЕНИС. Ты всех, кроме меня любишь. Ты отцу носки после стирки, когда жесткие, то мнешь, чтобы ногам приятно.

СОКОЛОВА. Я отца до сих пор люблю... хоть он и скот...

Соколова выходит.

Сцена 19.

Ванная комната. Голая Анастасия Кирилловна стоит в тазу. Соколова разводит горячую воду холодной. Рядом закрытая дверь, которая в начале сцены быстро открывается, чтобы пропустить спешащего Дениса. Он забегает в клозет с книгой и затихает там на некоторое время.

СОКОЛОВА (подает воду в ковше). Потрогай, такая пойдет?

НЕНАШИНСКАЯ. Хорошая.

СОКОЛОВА (поливает спину матери). Вооот тааак...

НЕНАШИНСКАЯ. Ай-ай-ай! кипяток!

СОКОЛОВА (останавливается). Какой, мама, кипяток?! Это из того же ковша!

НЕНАШИНСКАЯ. Я с непривычки...

Соколова поливает дальше. Берет мокрую губку, трет ею мать. Из-за перегородки стены доносятся недвусмысленные звуки.

СОКОЛОВА. Эх, как он дрищет! (Продолжает мыть.) Подними руки, мама.

Анастасия Кирилловна подчиняется.

НЕНАШИНСКАЯ (всхлипывая). А мне Денис сказал, что я притворяюсь...

Звуки.

СОКОЛОВА. Он ненормальный. Слышишь, как его пронесит?

НЕНАШИНСКАЯ (роняет слезы). Я в войну... на пароходе... детдомовская... из всех детей... только несколько человек... осталось...

СОКОЛОВА (убирает губку). Ты чего, ма...?.. (Обнимает и целует мать.) Не надо... хватать... хватать...

Звуки сливного бачка.

СОКОЛОВА (стучит в стену). Ты там чего?! Ты там не взлети от напора!

ДЕНИС (голос звучит глухо). У меня чего-то животик расстроился...

СОКОЛОВА. Выпей фуразолидон! Две таблетки! Колом встанет – палкой отшибать будешь! Такое говно твердое!

КСЮША (голос из ниоткуда). Он опять с книжкой!

СОКОЛОВА (сыну). Ты что опять серишь с литературой?

ДЕНИС. Нам в школе задали...

КСЮША. Он с Мопассаном!

СОКОЛОВА. Это который «Милый друг»?

ДЕНИС. Все равно скучно. Я только начал...

СОКОЛОВА. Ж-о-р-ж Д-ю-р-у-а... Черного кабеля не отмоешь добела. Меня твой дед, когда с этой книжкой... (Всхлипывает.) Только ругал... но не бил...

Соколова, плача, приседает на пол. Пауза.

ДЕНИС. Мама...

СОКОЛОВА (резко встает, сухим голосом). У тебя какого цвета?

ДЕНИС. Оно жидкое... такое...

СОКОЛОВА. Там белых червячков нет – глистов?

ДЕНИС. Нет... вроде...

СОКОЛОВА. Если что, я тебе лекарство дам и глисты клубками прямо из попы вывалятся.

Появляется Ксюша, стучит в дверь клозета.

КСЮША (громко). Выходи – ты не один же.

ДЕНИС (еще громче). Ты тоже – срать?!

КСЮША (возмущенно). Какое хамло!

СОКОЛОВА. Хватит переговариваться!

НЕНАШИНСКАЯ. Я мерзну...

Соколова быстро принимается растирать ее.

КСЮША (брату). Я не такая засранка, как ты!

ДЕНИС (сестре). Пописай тогда в раковину, если мандой дотянешься!

Ксюша в гневе пинает дверь и уходит.

СОКОЛОВА (матери). Согрелась?

НЕНАШИНСКАЯ (улыбаясь). Как будто тяпнула рюмашку.

СОКОЛОВА (продолжает мыть). Организм, мама, запускать нельзя. Иначе будут пролежни на теле...

НЕНАШИНСКАЯ. Я уже старая... мне пора... в гроб...

СОКОЛОВА (резко). Нет, мама, ты нас туда сначала загонишь...

НЕНАШИНСКАЯ. Я создана для пенсии и могилы...

СОКОЛОВА. А я, значит, создана, чтобы тебе подмывать? (Дает ей губку.) На! Там сама!

НЕНАШИНСКАЯ. А как же я, доча, дотянусь?

СОКОЛОВА. Уж до пизды, прости господи, как-нибудь дотянешься!

Анастасия Кирилловна тычет мочалкой себе в лобок.

СОКОЛОВА. Что ж ты ее как сваю вбиваешь?!

Отнимает губку, моет. Пауза.

СОКОЛОВА (раздраженно). Ты зачем тонометр сегодня обмазала? Его Андрюша и так уже открывал, потому что груша слиплась. Он в нее тальк засыпал, чтобы выпитывал влагу. Тальк, которым я еще детям жопы посыпала. (Громко.) А теперь они выросли и срут на мать.

Звуки диареи.

СОКОЛОВА (раздраженно). Тьфу! пердун!

НЕНАШИНСКАЯ. У меня еще в зубах застряло...

СОКОЛОВА (останавливается). Что застряло?

НЕНАШИНСКАЯ. От кукурузы.

СОКОЛОВА. Откуда у нас кукуруза?

НЕНАШИНСКАЯ. С прошлой недели застряло. (Оскаливается.) От ждеш...

СОКОЛОВА (всматривается в рот матери). Мда... я тебе щетку дам – сама почистишь. Или ты даже в своем роте не хозяйка? (Намазывает щетку пастой.) Я и коту уже куриные шейки даю, потому что там мягкие хрящи, чтобы не подавился... (Протягивает щетку.) Два старых на мою голову...

Ненашинская чистит зубы.

СОКОЛОВА. Ты челюсть-то не сверни!

Вытирает ее грудь от жидкой пасты.

НЕАШИНСКАЯ. Сё я...

Откладывает щетку на борт ванны.

СОКОЛОВА (льет ей воду в рот). Ополосни.

Ненашинская хочет сплунуть в ванну, но не удерживается и падает в нее.

СОКОЛОВА. Мама!!!

НЕНАШИНСКАЯ. А-а-а-а-а-а-а!!!

Алена Сергеевны пытается вынуть мать из ванной. Шумная возня двух женщин.

КСЮША (истерически). Мама!! мама!! что такое?!!

ДЕНИС (грохочет крышкой). Что?! что?!

СОКОЛОВА (из-за двери). Бабка ёбнулась!!!

Гаснет свет. Слышно, как Денис в клозете поспешно рвет бумагу и подтирается.

СОКОЛОВА. А-а-а-а-а-а!! Что случилось?!!

НЕНАШИНСКАЯ. Э-э-э...

КСЮША. Это я случайно!

Включает свет.

СОКОЛОВ. Алена! Алена! Вы там чего?!

КСЮША (стучит в дверь к брату). Выходи быстро! Бабуля шибанулась! Брось Мопассана!

СОКОЛОВ (стучит в дверь). Алена, я помогу!

СОКОЛОВА (безуспешно пытается вытянуть мать). Я сейчас ее чем-нить прикрою...

Одновременно распахиваются дверь клозета (выбегает Денис) и дверь ванной комнаты. Из самой ванны торчит голый зад Анастасии Кирилловны, облепленный намокшей одеждой, остальная часть ее тела – невидима.

СОКОЛОВА. Скажи, мама, спасибо, что ванна пластиковая, а не бетонная, как у тебя! Иначе бы голову – в месиво!

Соколов с уханьем и треканием пытается вытянуть тещу, как репку. Вбегают и суетятся дети.

СОКОЛОВА. Андрей! не надо так! у тебя позвоночник! Пусть Денис, молодой хрен, поможет!

ДЕНИС. Я сейчас! я помогу!

Он хватается за край ткани и стягивает ее, оставляя бабушку раздетой.

НЕНАШИНСКАЯ. Ай-ай-ай! голая! голая!

СОКОЛОВА. Да что ты, гад, делаешь!

Набрасывает ночнушку обратно. Еще некоторое время все пытаются вынуть Ненашинскую. Наконец это удается. Ее усаживают на перевернутое ведро.

НЕНАШИНСКАЯ. Ойх!..

На голове у нее огромная шишка.

СОКОЛОВА. Ах, мама! Ну и шишмак у тебя!

КСЮША. Й-й-й!

ДЕНИС. Бабуля, как Сократ. Лоб – во!

Соколов вытирает руки об полотенце и молча выходит.

СОКОЛОВА. Денис, выйди!

КСЮША. Ты когда выбегал, бумажки не смыл!

ДЕНИС. Тебя надо смыть!

Денис выходит.

КСЮША. Дристун!

Пауза. Анастасия Кирилловна тяжело дышит.

СОКОЛОВА (прикрывая мать). Закройся хоть... а то жопа нараспашку...

НЕНАШИНСКАЯ. Думала, насмерть...

СОКОЛОВА. Разве можно так ёбаться, мама?

НЕНАШИНСКАЯ. Я не специально...

СОКОЛОВА. Все равно нужно быть осторожнее! Иначе мы никуда из комнаты тебя выпускать не будем. Ты и так со своим «пиийсыть! пиийсыть!» всех задолбала.

Завтра поеду на ипподром и куплю тебе взрослые памперсы. У Наташи отец лежачий – она ему купила и горя не знает.

НЕНАШИНСКАЯ (капризно). Я не хочу под себя...

СОКОЛОВА. А я хочу тебя таскать с кровати – на унитаз, с унитаза – на кровать?

КСЮША (деликатно). Это для женского организма опасно...

СОКОЛОВА. У меня будет опущение матки. Я-то – ладно, но Ксюша...

КСЮША. Я ведь...

СОКОЛОВА. Ей еще детей носить. Я-то свое относила.

КСЮША (аккуратно). А Денис?..

СОКОЛОВА. У него... у него матки нет...будет... поднятие...

Пауза. Женщины хихикают.

СОКОЛОВА. Яйца на лоб полезут!.. Поерепенится и никуда не денется... (матери)

Давай одеваться.

Анастасия Кирилловны вытягивает руки. Ее одевают.

СОКОЛОВА (матери, резко). А ты мама, не это мне. Будешь падать, Андрей принесет из гаража и сделает тебе стульчак. Будешь ходить на ведро прямо в комнате!

НЕНАШИНСКАЯ (надув губки). Я не хочу...

СОКОЛОВА. Конечно, ты хочешь, чтобы в жопу с лупой заглядывали. Но у нас нет такой возможности.

КСЮША (поучительно). У Гули свекор еле ходит, но ходит. И тихий такой, за все Аллаха благодарит. Почти не ест, а только в молитве.

НЕНАШИНСКАЯ (удивленно). А что бог есть?

СОКОЛОВА. Это ты не к нам. Это Денис все дрищет и книги читает.

НЕНАШИНСКАЯ. У меня соседка Зина-корейка. Она в какую-то церковь меня все завет. Они там песни поют и добрые дела. Она вся слепая и некудышняя, но про бога любит рассказывать.

Женщины замирают.

НЕНАШИНСКАЯ. Я говорю ей: «Зина, на хрена тебе бог, если тебя дети бросили? Они в России, ты – здесь». Я когда в войну на теплоходе... там сироты - дети худющие. И хоть бы кто выжил, который молился. А я просто в углу, подальше от туберкулезных. Все думала, что людоедство будет.

Пауза.

НЕНАШИНСКАЯ. А когда доплыли, то умерли многие. И которые молились – все умерли. Я говорю ей, Зина, а какие у вас взносы?

Медленное затемнение.

Сцена 20.

Ночь. Тишина. За шкафом храпит Ненашинская. Денис ворочается в постели.

НЕНАШИНСКАЯ (во сне). Уйдите... уйдите!..

Денис садится в кровати.

НЕНАШИНСКАЯ. Уйдите!.. уйдите!.. из палисадника!.. не рвите!.. не рвите сирень!.. сирень...

Денис встает, ищет тапочки впотьмах. Снимает трусики, идет на ощупь. Входит в туалет, не зажигая света. Слышно журчание. Открывается дверь из спальни Соколовых. Наружу высовывается голова Алены Сергеевны. Она слушает журчание. Затем подходит к двери и затаивается. Дверь открывается и крадущейся походкой выходит Денис.

СОКОЛОВА (ловит сына). Сволочь! скотина неспящая!

ДЕНИС (пугается). А-а! а-а! а-а!

СОКОЛОВА. Закрой рот – всех разбудишь. Отец встанет – всех пришьет. (Включает свет.) Ты почему без трусов?

ДЕНИС. Чтобы не оппиться? Я в прошлый раз трусы опписал.

СОКОЛОВА. Включай тогда свет!

ДЕНИС. Тогда вентилятор будет шуметь.

СОКОЛОВА. Смойвай тогда хорошо, а то от мочи – вонище.

ДЕНИС. Тогда шумно будет.

СОКОЛОВА. Все равно ты мать будишь. А потом у меня днем голова болит и

сердцебиение.

ДЕНИС. Извини.

СОКОЛОВА. Еще раз встанешь – оторву хер, на хер. Иди.

Расходятся. Денис возвращается к себе в комнату. По дороге он захватывает пустую пластиковую бутылку из-под минеральной воды. Он ставит ее возле кровати. Ложится. Вновь садится. Берет бутылку и откручивает пробку, вставляет кончик члена в горлышко. Мочится.

НЕНАШИНСКАЯ. Где-то льется.

Закручивает крышку, убирает бутылку.

НЕНАШИНСКАЯ. Деня, где-то лилось. Не у нас ли?

ДЕНИС. Нет. Это у соседней.

Ксюша идет по коридору.

СОКОЛОВА (появляясь в дверях, злорадно). Опять?!

КСЮША (пугается). А-а!

СОКОЛОВА. Я думала, что Деня опять пошел.

КСЮША. Бе-бе.

Отдаленное журчание.

НЕНАШИНСКАЯ. Опять льется.

ДЕНИС (сквозь сон). У соседней...

Ксюша возвращается.

СОКОЛОВА (появляясь в дверях, с надеждой). Опять?!

КСЮША (пугается). А-а!

СОКОЛОВА. Я думала, что Деня опять пошел.

КСЮША. Бе-бе.

Ксюша исчезает за дверью комнаты. Пауза. Вновь храпит Ненашинская. Через некоторое время Соколова входит в комнату сына.

СОКОЛОВА. Не могу из-за тебя уснуть.

Соколова садится на кровать.

ДЕНИС. А я тоже не сплю.

СОКОЛОВА. А ты-то что?

ДЕНИС. Бабуля во сне кричит и разговаривает.

СОКОЛОВА. Да?.. вон она как храпит. Всех затрахала и храпит.

ДЕНИС. Да уж...

СОКОЛОВА. Кто больше всех кровь пьет – тот ночью храпит. Отец спит – так он работает! А Ксюшу пушкой не поднимешь... такая она усталая у нас.

Пауза.

ДЕНИС. Мамочка, давай их всех убьем.

СОКОЛОВА (всполошившись). Опять! опять! началось! бред!

Порывается встать, чтобы позвать кого-нибудь.

ДЕНИС (удерживает ее за руку). Нет, у меня кончилось.

СОКОЛОВА. Кончилось? Тогда что ты такое говоришь?

ДЕНИС. Давай, мама, их всех убьем. Тех, кто не взял Ксюшу на работу.

СОКОЛОВА (садится обратно). На какую работу, Деня?

ДЕНИС. Помнишь, когда она хотела устроиться переводчицей в гостиницу к иностранцам?

СОКОЛОВА. Помню-помню. А сейчас это зачем вспоминать?

ДЕНИС. Я просто лежал и вдруг в голову пришло. Само по себе. Помнишь, вы предлагали им тысячу долларов, чтобы Ксюшу взяли без связей?

СОКОЛОВА. А ты откуда знаешь?

ДЕНИС. Ксюшка проболталась тогда еще.

СОКОЛОВА. Ну я ей дам, чтобы ребенку мозги не засирала!

ДЕНИС. А они сказали: «Мы возьмем ее только уборщицей».

СОКОЛОВА. Правда... эти суки так сказали.

ДЕНИС. Почему тогда Ксюша не отомстила за себя? Почему она не вырезала их под корень?

СОКОЛОВА (пугается, трогает лоб Дениса). Кого?.. кого?.. ты что? (Оглядывается.)

Соседи услышат – в милицию сдадут.

ДЕНИС. Ведь Ксюше здесь не найти себе места. И жениха у нее нет. Почему она не уезжает?

СОКОЛОВА. А ты у нее сам спроси. Я ей сколько раз говорила, а она бе-бе.

ДЕНИС. Они ее унижали, а она им никак не ответила.

СОКОЛОВА (машет рукой). Что было, то было.

ДЕНИС. Почему мы не отомстим им? Почему нет войны? Ведь я тоже вырасту, и они меня будут каждый день бить. (Обрывает мать.) Почему вы не уехали?

Почему не увезли меня отсюда?

СОКОЛОВА. А куда мы уедем? К кому?

ДЕНИС. У нас же в Москве родственники есть.

СОКОЛОВА. Мы им как третья нога.

ДЕНИС. Что же делать?

СОКОЛОВА. Сиди и тухни в тряпочку, пока не прибили.

ДЕНИС. Я тогда сам уеду.

СОКОЛОВА. Куда ты уедешь: больной и придурочный. Как ты там будешь учиться?

Российские дети – звери. Они тебя – забьют. Калекой сделают. Вон тети Нади сына отлупили, когда он только в новый класс пришел. А он поздоровее тебя – пловец. Так ему почки так отбили, что его даже в армию не взяли. А тебе куда? Чихни – соплей перешибешь.

ДЕНИС (после паузы). Мне Саша говорил, что у него уже место есть. А у меня? У меня – есть место?

СОКОЛОВА. Какое те место? С отцом пойдешь работать на автобазу.

ДЕНИС. А если я не хочу?

СОКОЛОВА. Мало ли ты что не хочешь! Я тоже не хочу с-базара-и-на-базар, но делаю же!

ДЕНИС. А если я хочу быть кем-нибудь другим? Каким-нибудь музыкантом.

СОКОЛОВА. Ну так уже поздно. Проехали уже. Тебе уже одиннадцать лет, а в музыкальную школу берут с семи, так что ты – дылда-переросток.

ДЕНИС. Тогда я убью их всех, если они меня не возьмут.

СОКОЛОВА (вскрикивает). Кого?! Кого ты убьешь?! Закрой свой рот!!!

ДЕНИС. Я убью тех, кто не возьмет меня в музыкальную школу!! Тех, кто не взял Ксюшу в гостиницу!! Тех, кто не дает папе работы, и он поэтому орет!!

СОКОЛОВА. И мать! Мать еще убей, скотина!!

ДЕНИС. И тебя я тоже убью, сука!!!

СОКОЛОВА (дерется с сыном). Шакаленок! Я тебе язык вырву! Если он сам не отсохнет – вырву!

За шкафом спросонья испуганно мычит Ненашинская.

СОКОЛОВ (из коридора, очень недовольно). Чего там, Алена?

КСЮША (вбегает). Что? Что случилось? Он бредит? Он визжит?

СОКОЛОВА (зажимает сыну рот). Заткнись! Заткнись! Отцу утром в шесть вставать. Не выпится – будет зеленый. Работать не сможет. Тогда мы все сдохнем.

НЕНАШИНСКАЯ. Алена! Алена! Я в туалет хочу!

СОКОЛОВ (входит). Иди – мать тебя зовет.

СОКОЛОВА (встает, вытирая слезы). Сейчас, сейчас...

Ксюша жметесь к шкафу, лукаво улыбаясь. Соколов примитивно глядит на сына, затем выходит.

КСЮША. Ты маму зачем обзывал?

ДЕНИС. Я охуел.

КСЮША (вскрикивает). Что? что? Что ты сказал, говно?

ДЕНИС. Я ебанутый пидарас. Вот кто я. Я сумасшедший выблядок. И у меня нет друзей. Я хочу покончить с собой. Я хочу покончить с собой.

СОКОЛОВА (за шкафом). Ксюша! Помоги бабушку поднять – у меня не получается.

КСЮША (брату). Безумец!

Ксюша выбегает. Слышно, как Ксюша и Соколова поднимают бабушку с дивана.

Ксюша у тебя все видела!!
КСЮША. Я все у тебя видела!!
ДЕНИС. Отвернитесь!!
СОКОЛОВА. Как же ты мне надо...!! (Тычет ему в нос ком ночной рубашки.) Нюхай бабкину манду, как я ее нюхаю!! Иди мыть бабкину пизду, как я ее мою!!

Соколова и Ксюша набрасываются на Дениса и раздевают его.

СОКОЛОВА (выбегает с бельем). Скорее кипятить эту вонищу!!!

Голый Денис забивается в угол.

КСЮША. Я трогала тебя – я скорее должна помыть руки, иначе умру.

Ксюша выбегает. Пауза.

НЕНАШИНСКАЯ. Ты почему голый?

ДЕНИС. А ты?

Пауза.

ДЕНИС. Это ты все нам испортила. Чтобы ты сдохла.

НЕНАШИНСКАЯ. Я старая...

Денис побегает к бабушке и, вцепившись ей в волосы, стаскивает ее на пол.
Анастасия Кирилловна, охнув, падает. Денис прыгает на ее старческих ягодицах.

НЕНАШИНСКАЯ. Деня! Деня! Я же бабушка!

ДЕНИС. Ты – смерть!

Шум на кухне. Шум в коридоре.

СОКОЛОВ. Что за херня?! Почему грохот?!

Входит в комнату. Денис выбегает на балкон.

СОКОЛОВ. Алена, твоя голая мать лежит на полу!

Соколов выходит.

КСЮША (заглядывает). Папа, мама на кухне...

Исчезают. Появляется по-прежнему голый Денис. Он несет на руках умирающего Шызика.

ДЕНИС. Киси-киси-киси...

Кот слабо шевелится.

ДЕНИС. Кто же тебя избил такого старого?..

Алена Кирилловна ползает по полу.

НЕНАШИНСКАЯ. Деня, помоги...

Из коридора входит Соколова и Ксюша. Денис выбегает на балкон.

СОКОЛОВА. Я поставила кипятиться. Ты почему упала?

НЕНАШИНСКАЯ. Деня меня сбросил.

СОКОЛОВА. Ах!..

КСЮША (заглядывает за шкаф). Его там нет... боится, что отлупим.

Денис появляется из коридора. Стоит в дверях.

КСЮША. Вот он!

ДЕНИС (протягивает сдохшего Шызика). Мама, котик умер... Ему пробили голову... в дырочке мозги... вылезли...

КСЮША. Это у тебя... вылезли...

ДЕНИС. Умри!!!

Бросает в сестру мертвым котом.

СОКОЛОВА. Гад!

ДЕНИС. Суки!!!

Выбегает на балкон.

КСЮША (истерически). Трупные микробы!!

СОКОЛОВ (вбегая из коридора). Я не могу спать!

Со злостью бьет Соколову кулаком по лицу. Денис выходит с балкона. В руках он держит горячую кастрюлю с бельем.

КСЮША. Поставь! Там грязные тряпки!

ДЕНИС. Мама, вода закипела!

Выливает кипяток на себя.

КОНЕЦ